

Иоанн Павел II

С о ч и н е н и я

Иоанн Павел II

**Сочинения. Том I. Трактат
«Личность и проступки».
Пьесы. Статьи о театре**

«Издательство Францисканцев»

Иоанн Павел II

Сочинения. Том I. Трактат «Личность и проступки». Пьесы. Статьи о театре / Иоанн Павел II — «Издательство Францисканцев»,

ISBN 5-89208-048-X

Двухтомное собрание сочинений Папы Иоанна Павла II (Кароля Войтылы) – первое русское издание, масштабно представляющее его литературное творчество во всех аспектах и жанрах – от стихов и пьес до энциклик и проповедей. Большинство произведений впервые выходят на русском языке, в том числе философско-антропологический трактат «Личность и поступок» и пьесы «Свечение отцовства» и «Брат нашего Бога». Официальные переводы энциклик приводятся в новой редакции. В качестве приложений в книгу включены хронология жизни Иоанна Павла II и посвященный его личности иллюстративный материал.

ISBN 5-89208-048-X

© Иоанн Павел II
© Издательство Францисканцев

Содержание

Предисловие	7
Примечания	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) Сочинения. Том I. Трактат «Личность и поступок». Пьесы. Статьи о театре

*Издание посвящается 25-летнему юбилею понтификата
Святейшего Отца Иоанна Павла II*

Перевод, комментарии и предисловие:

Елена Твердислова

Общая редакция:

Игорь Баранов

Главный консультант:

о. Григорий Церох OFMConv

Редакторы:

Ольга Газизова, Светлана Левит

© Издательство Францисканцев 2003

© Сочинения Кароля Войтылы – Commissione per gli Scritti di Karol Wojtyła

© Перевод – Е.С. Твердисловой

Редакция выражает глубокую признательность за содействие, оказанное в работе, Представительству Святого Престола в Москве, Комиссии по литературному наследию Кароля Войтылы, Институту Папы Римского Иоанна Павла II при Люблинском Католическом университете и Краковскому благотворительному Фонду Janineum

Книга подготовлена при участии Института Европейской Цивилизации (Москва)

Редакция благодарит за содействие в издании этой книги о. Антония Бадурю SMF (Красноярск) и Общину Кларетинцев

Выражаем благодарность за финансовую помощь в этом издании В.В. Иванову (Юниаструм Банк, Москва)

Глубокоуважаемый читатель!

Вы держите в руках уникальную по своей значимости и содержанию книгу, посвященную одному из самых известных в настоящее время людей – Папе Римскому Иоанну Павлу II.

Сборник сочинений Святейшего Отца, подготовленный Издательством Францисканцев в Москве, является первым столь объемным российским изданием, представляющим Иоанна Павла II (Кароля Войтылу) как ученого-философа и богослова, человека глубокой молитвы и искусного проповедника, известного поэта и драматурга и, наконец, Пастыря Церкви.

Особый интерес для российского читателя и исследователя представляют исключительно актуальные энциклики и послания Папы, содержащиеся во втором томе «Сочинений» и касающиеся как социального учения Церкви, так и проблем единства христиан, а также сугубо

богословских, на первый взгляд, вопросов взаимодействия веры и разума, которые на самом деле имеют экзистенциальное значение и современное звучание.

Предисловие рассказывает о личности самого Понтифика, раскрывает его внутренний мир, сферу духовных интересов, сквозь призму которых высвечивается его удивительная судьба.

Таким образом, в книге достаточно полно и общедоступно представлен образ первого Папы-славянина, а также очень широкий круг его деятельности, в центре которой находится человеческая личность. Книга раскрывает разносторонний талант Папы и помогает понять целостность его гуманитарного сознания и авторитетность его пастырского слова.

Выражаю надежду, что эта книга восполнит существующий в российской культурологии пробел, связанный с представлением личности и учения Папы Иоанна Павла II, и будет служить делу развития межхристианских отношений.

От всего сердца благодарю переводчиков и издателей этой книги и благословляю ее читателей.

Архиепископ *Тадеуш Кондрусевич*,
Митрополит Архиепархии Божией Матери в Москве,
Председатель Конференции Католических Епископов России

Предисловие

Ныне много спорят о культурологии (или культуроведении). О том, возможна ли вообще наука, способная объединить различные гуманитарные дисциплины, ибо каждая из них давно «переросла» себя и вышла за рамки строго академических школ. Стала очевидна необходимость синтеза философии, богословия, социологии, истории, языкознания, литературоведения (включая все их многочисленные «-измы»). Обозначилась, по сути дела, совершенно новая область – междисциплинарных знаний, с которыми органично «соседствуют» художественные произведения, объединенные логикой семиотического мышления... Труды Папы Римского Иоанна Павла II – красноречивое тому подтверждение.

Это не первая публикация произведений Святого Отца на русском языке, отдельно издавалась его поэзия, другие сочинения, речи и обращения¹. Однако книги, представляющей в едином контексте творческий диапазон Святого Отца – философа, богослова, проповедника, историка культуры, поэта, драматурга, то есть, говоря сегодняшним языком, культуролога, – по существу, не было. Цель данного издания – восполнить этот пробел. Книгу составили сочинения Папы разных лет и разных жанров, в основном впервые издающиеся по-русски: юношеский поэтический цикл «Слово-Логос» и философское исследование «Личность и поступок», пьеса «Брат нашего Бога» и мистерия «Свечение отцовства», статьи о театре и о св. Иоанне Креста (энциклики представлены здесь в новой редакции). Это позволяет увидеть за разносторонним талантом Папы цельность его Слова.

Знаменательно, что 25-летие избрания Кароля Войтылы Папой Римским отмечает весь мир. Не менее примечательным было само избрание поляка главой Католической Церкви, что символизировало собой не только единство славянского мира с другими народами Европы, а, следовательно, и единство всей Европы, иначе говоря, определяло масштаб пространственный, но и временной – наступление новой эры. Именно в годы начавшегося правления Иоанна Павла II рухнул социализм, конец которого в свое время ознаменовало падение берлинской стены. Неоценимую услугу оказала его открытая поддержка движения «Солидарности», возникшего в Польше в конце 70-х – мощный рычаг для кардинальных изменений на социально-политической карте мира.

Отдавая себе отчет в том, насколько неожиданным было само появление Понтифика-поляка, Иоанн Павел II с этого и начал свои «беседы» с французским журналистом-католиком Андре Фроссаром. Папа считал своей прямой обязанностью рассказать о том, кто он, откуда родом, каковы его взгляды на жизнь, культуру, Церковь и веру.

«Этот Папа из Польши, – сказал он о себе в беседе, – является в то же время и первым в столице св. Петра славянином. Своим происхождением и родным языком он связан со всеми славянскими народами, которые населяют Восточную Европу, а также восточную часть Средней Европы»².

«Сложность» его славянства, как заметил далее Папа, усугубляется еще и специфически польским наследием. «Прежде всего это соседство и стык двух христианских традиций и двух культур, одна из которых – западная, с центром в Риме, а другая – восточная, генетически связанная с Константинополем. Небесполезно здесь вспомнить, – сказал Папа, – что апостолы славян – свв. Кирилл и Мефодий – были родом из Фессалоник и в церковном и культурном аспектах находились в орбите Константинополя. Известно также и то, что для своей миссии, которую они осуществляли среди славян, оба искали поддержку и опору в Риме»³.

«У истоков своей истории, – заметил Иоанн Павел II, – Польша приняла крещение в Риме при посредничестве чешской княжны, которая была женой первого в истории моей Родины

правителя¹. Связь с Римом и западной культурой формировала польскую нацию на протяжении целого тысячелетия. Вместе с тем, однако, – особенно со времен унии с Литвой в конце XIV в.² – Польша вошла в тесное взаимодействие с восточными славянами (селившимися на севере и юге вдоль линии Львов-Киев), а через это – и с восточной традицией. Именно отсюда берет свое начало то наследие, которое обозначилось стыком Востока и Запада»⁴.

И это, по мнению Святого Отца, во многом определило исторический путь поляков, оказавшихся на перекрестке разнообразных национальных и региональных обычаев, на границе разных культур и верований.

Спустя более чем десять лет в другой беседе (по-своему продолжившей «беседы» с Фроссаром) – на этот раз с итальянским католическим публицистом Витторио Мессори – Папа уточнил: «Ведь я – выходец из народа, который имеет свои экуменические традиции, хотя и считается преимущественно католическим»⁵. Книга этих бесед с Папой Римским, изданная в 1995 г., была провозглашена ЮНЕСКО «книгой года». Не удивительно, ибо сегодня любое выступление Папы – событие: его речи публикуют, переводят, обсуждают, неизменно широко и открыто, в религиозных кругах и просто среди интеллигенции, особенно журналистов и литераторов (и не только католических стран). Вниманием пользуются его энциклики, проповеди, которые (если считать вместе с произнесенными в Польше) составят, наверное, не один десяток томов. Но Папа еще и художник слова, мыслитель и ученый, и в каждой области у него свой индивидуальный взгляд, почерк, стиль, поэтика.

И все же если как философ и богослов он был известен задолго до избрания на Святой Престол (труды Кароля Войтылы «Любовь и ответственность», 1960, и «Личность и поступок», 1969, переведены почти на все европейские языки), то как поэт и драматург он приобрел известность уже будучи избранным, о чем не без свойственного ему юмора не преминул заметить: «Я был [...] несколько законспирированным, до избрания Папой. Зато с того дня я оказался расконспирированным не только для Польши, но и для всего мира»⁶.

Интерес к его личности и учению повсеместен. Апостол странничества, Иоанн Павел II совершил свыше 99 пастырских поездок, посетив множество стран, а Папа, можно сказать, не просто исколесил весь мир – он был более чем в 130 странах (где прочитал свыше двух тысяч проповедей), посетив (в ряде случаев не единожды) Канаду, США, Австрию, Австралию, Новую Гвинею, Турцию, Филиппины, Францию, Кубу, Румынию и т.д.; семь раз он побывал в родной Польше. Полиглот, свободно владеющий почти десятью языками (в том числе и русским!), Папа Римский к любому человеку обращается по-особому, и каждый находит у него то, в чем нуждается более всего: поддержку, сочувствие, понимание.

Бесчисленные фотографии запечатлели его лицо, исполненное любви к людям, рядом с детьми и женщинами, больными и увечными, светящимися тем счастьем и умиротворением, которыми он щедро делится со всеми.

«Когда говорят о «звездах» или о «пристрастиях», искажают проблему, не начав ее изучать. Использование готовых формулировок типа «психология толпы» и вовсе не поможет понять, каким образом этот человек сумел убедить людей до того, как произнес свое первое слово, и почему мир, исполненный надежды, повернулся к нему тогда, когда еще никто о нем ничего не знал»⁷.

Вопрос, заданный Фроссаром, по сути дела, риторический.

¹ Первый польский исторически достоверный король князь Мешко (или Мечислав I; 9227-992), из династии Пястов, сын Земомысла. При нем начало складываться польское государство и произошло объединение польских земель, а в 966 г. Польша приняла христианство (в западной традиции). Мешко женился на чешской княжне Добраве (7-977), дочери чешского князя Болеслава I Грозного (905-967).

² Кривская уния 1385 г. Польши с Великим княжеством Литовским.

Личность

Папа не сомневается в том, что люди могут и должны найти между собой общий язык, и не прекращается его диалог с православными и протестантами, иудеями и мусульманами. Будучи убежденным сторонником экуменизма, он рассматривает его как признание различий в понимании Бога и связей с Ним человека.

Везде его ждут, встречают бурно и радостно, и всякий его приезд воспринимается прежде всего как встреча с человеком близким и дорогим. Простота его общения поражает всех. В ней скрыт его изначальный и глубинный интерес к человеческой личности, которая для него всегда индивидуальна и неповторима.

Личность – высшее в человеке, утверждает Папа и приглашает задуматься над этим тезисом в проповедях, энцикликах, апостольских посланиях, доказывая сделанный вывод в научных трудах по антропологии и этике, наконец, анализируя воззрения конкретных ученых – таких, например, как испанский богослов, поэт и мистик св. Иоанн Креста или немецкий философ-феноменолог Макс Шелер. Пьесы Кароля Войтылы об Иове, о «польском Иеремии» – проповеднике Петре Скарге, о другом соотечественнике – художнике Адаме Хмелёвском (брате Альберте) повествуют о борении личности с самой собой, чтобы достичь высшего блага. И, конечно, мыслями о человеке-личности исполнены стихотворения Папы, обращенные к началам национальной духовной традиции: к первому польскому святому, канонизированному в XII в., Краковскому епископу Станиславу; к Мешко I, при котором Польша приняла христианство.

Папу интересует человек как таковой, «просто» человек – со всеми его слабостями, сложностью, страданием. Но за этим непреходящим и, можно сказать, изначальным к нему вниманием, которое во многом и обусловило выбор призвания, а в конечном счете, судьбу, скрывается его собственное стремление познать человека в категориях той жизни, которая является «неведомой», «сверхъестественной»⁸ (или «трансцендентной»), существующей наряду с естественным «измерением» человека. Речь идет не просто о понимании того, как происходит единение человека с Богом, а о том, что означает подобное единение. Суть в том, чтобы открыть человека в Боге и Бога в человеке.

Может быть, благодаря этому непреходящему интересу к людям, умению видеть их изнутри, жизнь Иоанна Павла II складывалась как предопределенность, а встречи с людьми часто носили знаменательный характер. В числе этих людей были простые рабочие, которые помогали Каролю Войтыле во время Второй мировой войны выдержать неимоверно тяжелые условия физического труда в каменоломне и на содовой фабрике, где он вынужден был работать, чтобы не быть угнанным в Германию. Папа не перестает размышлять о тех, с кем сводила его судьба; проповеди, стихотворения (например, поэма «Каменоломня») запечатлели драматичные, а порой и трагические события его личной биографии. О многом Папа рассказывает в своей книге воспоминаний «Дар и Тайна», приуроченной к пятидесятилетней годовщине его священнического служения (Краков, 1996).

Гостеприимство дома Кароля Войтылы познал, спасаясь от фашистов, бежавший из Вадовиц преподаватель и теоретик театра Мечислав Котлярчик, ставший впоследствии его близким другом. В краковской квартире, где Кароль жил вместе с отцом, поступив в 1938 г. в Ягеллонский университет, и возник, по существу, тот знаменитый театр, который стал своеобразной формой сопротивления оккупации. Это был так называемый Рапсодический театр, в котором молодой Кароль (тогда еще начинающий поэт и филолог) не без успеха играл. Театральные опыты Котлярчика, знатока «магии живого слова», легли в основу предпринятого им описания природы этого слова: ему он посвятил специальный труд, который был издан при

участии его талантливого и, наверное, самого любимого ученика⁹. На протяжении всей жизни Войтылу и Котлярчика связывала глубокая привязанность, которую запечатлела их обширная переписка¹⁰.

Внутренний человек

В те же драматичные годы войны К. Войтыла сблизился и с Яном Тырановским – мистиком, по-своему оказавшим влияние на формирование его религиозных воззрений и выбор пасытского пути. Спустя много лет Войтыла признавался, что под воздействием знакомства с этим с виду ничем не примечательным человеком, скромным краковским портным, он испытал подлинный мировоззренческий переворот. Тырановский учил – просто и незаметно – совершенно по-другому воспринимать Бога. «Он исповедовал жизнь, доселе никому не известную, был ее учителем и апостолом. Он свидетельствовал собой об истине, которую провозглашал»¹¹.

То была истина о сверхъестественном бытии: вместе с ней в сознание входил «внутренний человек» – как особый мир, открытый трансцендентному, то есть выходу за пределы себя: «То, что должно отличать апостолов (и отличает!) – это пусть хотя бы внешняя, но необходимая перемена в их слушателях. Однако не является ли такая перемена всего лишь реакцией на идеи, навязываемые извне? Нет, это – процесс благодати, который нельзя передать никакими словами. Да и не так-то легко устремляться к тому, что подразумевает не столько принятие некой истины, сколько изменение своего личного «я», в определенном смысле выход за свои собственные пределы»¹².

По сути своей апостольство и есть жизнь внутреннего мира: того, кто проповедует, и к кому обращена проповедь.

Но для того, чтобы выход «за пределы себя» найти, обосновать и познать, надо сначала открыть в себе себя глубинного, свои внутренние структуры, по-своему сложные.

«В каждом из нас живет два человека. Один – тот, которым я являюсь, а другой – тот, каким я должен быть. Это чрезвычайно глубокий закон человеческой личности и ее внутреннего мира. И это не иллюзия, а отражение реальности [...]. Второй закон этического свойства. Я не смогу определить, не смогу при всей пытливости сказать, какой я есть, если не дам себе в этом отчета, не посмотрю на себя в свете того, каким я должен быть. Свои поступки я должен измерять мерой этического идеала. Между этими двумя людьми (скорее, двумя образами человека) существует постоянное напряжение. Это как бы два полюса: положительный и отрицательный. И это напряжение между ними – самое сильное движение человеческой личности. Положительный полюс – мой идеал, минус – тот человек, каким я являюсь. Стало быть, мне необходимо постоянно тянуться к своему идеалу»¹³.

Подобное понимание «внутреннего человека» учит объективной самооценке, критическому взаимодействию с самим собой, а через это – и с другими мирами: внешним, то есть с той жизнью, с которой связаны достижения цивилизации, технического прогресса, материального благополучия (так называемая «горизонтальная линия развития»), и миром Небесным – трансцендентным, сверхъестественным («вертикальная линия развития»).

Почти одновременно с новым открытием Бога в мировоззрении Войтылы произошел еще один «переворот», но теперь – под воздействием знакомства с метафизикой в начале учебы в подпольной духовной семинарии (и одновременно на богословском факультете Ягеллонского университета), куда он поступил в 1942 г.

«Я начал изучать учебник [по метафизике] и вдруг почувствовал невероятное сопротивление. Мое гуманитарное, философско-литературное мышление было совершенно не подготовлено к восприятию этого текста: всех тех доказательств и формулировок, из которых состоял от начала и до конца этот учебник по метафизике (схоластической!). Я принужден был

продираться сквозь гущу фраз, рассуждений, концепций, очень долго я не в состоянии был определить области, к которой прикоснулся. Через два месяца я решился на экзамен, который сдал. После экзамена я признался профессору, что для меня важнее полученной оценки было новое понимание мира, которое я извлек из этой самостоятельной борьбы с учебником по метафизике. Да, это было именно так. Я не преувеличу, если признаюсь, что мир, которым я до этого жил интуитивно, а также и эмоционально, с того момента во мне перевернулся и определился на основе понятий самых глубинных, но вместе с тем и самых простых»¹⁴.

В определенной степени оба этих факта – сверхъестественная действительность и схоластическая метафизика – явились поворотным пунктом, давшим мощный импульс к научному и всестороннему изучению человека. Так постепенно в жизни Войтылы стало складываться представление о единой системе бытия человека, той системе, которая в отдельных своих частях и по отдельным вопросам изучалась на протяжении всей истории человечества, и изучалась по разным руслам. Не только в работах, но и в проповедях К. Войтылы обозначалась необходимость общего подхода, подразумевающего соединение философии и богословия, культуры и истории в одно аксиологическое целое, куда в трудах Папы Римского органично включается этика и антропология – области, заявившие о своем истинном охвате (в границах современной культурологии). Их последующему разграничению, а скорее – своеобразному выделению этики как «практической науки о действиях человека, о его поведении» подчинен метод «вынесения за скобки», который использует К. Войтыла в «Личности и поступке». Подобное представление невозможно было бы без учения о «внутреннем человеке».

Молитва

Национальная молитвенно-созерцательная традиция в трудах и выступлениях Иоанна Павла II органично переосмысливается на основе общехристианских и общегуманитарных идей, начиная с наследия Отцов Церкви и таких ее Учителей, как св. Августин и св. Фома Аквинский, сказавший когда-то о созерцательной истине, что это истина Божия. По собственному признанию Папы, он, изучая созерцательную молитву, пусть и не испытал призвания к созерцательному образу жизни, тем не менее считает, что созерцательная молитва имела для него основополагающее значение: и в ту пору, когда он был простым сельским священником, и когда был профессором Краковского и Люблинского университетов, и в бытность свою епископом, а потом и архиепископом Кракова.

Один из учившихся вместе с Войтылой студентов-семинаристов вспоминает: «Он мог долгими часами коленопреклоненно молиться. Он умел для молитвы выключаться из занятий. Но даже и то, что он делал, стоя на коленях, было одновременно молитвой и занятием. Вхожу я как-то в храм Св. Иосифа на Посельской улице и вижу там молящегося на коленях семинариста Войтылу. Голова упирается в решетку. Перед собой он держит в руках книжку. Что это за книга? Наверное, какой-нибудь учебник по аскетике? Ничего подобного. Это был учебник по истории Церкви. Даже историю Церкви он изучал, стоя на коленях coram Sanctissimo³. Так можно ли удивляться тому, что сегодня он – творец этой истории?»¹⁵

Святой Отец очень ценит молитву, особо им выделяется молитва безмолвная¹⁶, но не меньшее значение он придает молитве совместной. Во время встречи с православными священниками в Стамбуле (историческом Константинополе) он произнес: «Призываю вас к горячей молитве за подлинное содружество наших Церквей. Движение по пути объединения будет зависеть от наших стараний, от наших богословских поисков, от наших возобновляемых инициатив и, особенно, от нашей любви, но одновременно оно будет благодатью Бога. Будем

³ Лицом к лицу с Наисвятейшим (лат.).

молить Его, чтобы Он ниспослал всем, участвующим в деле сближения, Духа Святого, который озарит их истинной правдой, сделает любовь всеобъемлющей...»¹⁷.

Молитва для Иоанна Павла II – это и путь, и в то же время путеводитель в сверхъестественное бытие. «Мы всегда начинаем молитву, думая, что она идет от нас, между тем как она всегда идет от Бога [...]. Полноты молитвы человек достигает не тогда, когда в наибольшей степени выражает себя, а тогда, когда в ней наиболее полным становится присутствие Самого Бога»¹⁸. Так, замечает он, молились и на Востоке, и на Западе, так молились св. Серафим Саровский, св. Франциск, св. Тереза Авильская, св. Иоанн Креста.

Этим отчасти было, наверное, продиктовано обращение Кароля Войтылы к наследию св. Иоанна Креста как Учителя созерцательной молитвы, мистическое учение которого открыло человеку истинную правду и о человеке, и о Боге, и о путях восхождения к подлинным высотам.

Фактически с 1942 г., когда Европа отмечала 400-летие со дня рождения великого испанского мистика, Кароль Войтыла начал систематическое изучение его творчества (для этого он специально освоил испанский язык), и вскоре оно стало темой его научных трудов.

Разум

Идеи и образы великого испанского богослова и поэта пронизывают всё созданное Папой ранее: это и образ Бога Сокрытого, и символика (но без взаимоисключений и противопоставлений!) света и «темной ночи», подразумевающая как ясность, прозрачность, сияние, блеск, свечение, так и темноту, черноту, бездну, а этот ряд выстраивает еще один: зрение, видение, слепота, и одно неотрывно от другого, ибо темнота, чернота, слепота связаны со страданием человека, а в нем всегда присутствует Божественное сострадание: Войтыла почти буквально показывает в пьесе «Брат нашего Бога», как душа блуждает в потемках.

Для Кароля Войтылы встреча со св. Иоанном Креста не могла не стать промыслительной. Она пробудила в нем интерес к научному обоснованию мистического опыта, а этот интерес в свою очередь способствовал расширению «поля» опыта, что в итоге привело к слиянию философии, мистики и поэзии в некое мировоззренческое целое: философию духовной образности.

На первый взгляд, подход Папы к учению св. Иоанна Креста с позиций гуманизма (в рамках богословия) кажется неожиданным. В современной науке сложилась некая традиция смотреть на гуманизм и на религию как на явления разного порядка, параллельные, дополняющие друг друга, но не измеряемые единым критерием, хотя и здесь, и там в центре исследований – человек. Папа исходит из другого утверждения. Не приемля идеологизации религии, он настаивает на том, что все люди – братья, ибо являются детьми Одного Бога, верят ли они в это или нет: «Бог объемлет всех Крестом и Воскресением Своего Сына. Бог объемлет всех жизнью, которая явлена в Них и которая вновь и вновь берет от Них начало»¹⁹.

При всех различиях конфессий в них есть это связующее Начало. Необходимо считаться с тем фактом, что христианская религия сосуществует с другими, вдохновляется проповедями учителей иных верований и может использовать предания, которых нет в Откровении. В связи с этим Папа ссылается на решения II Ватиканского Собора об отношении Церкви к нехристианским религиям и цитирует предисловие к его декларации: «Люди ожидают от различных религий ответа на сокровенные загадки человеческого бытия, которые ныне, как и встарь, глубоко тревожат сердца людей: что такое человек, каковы смысл и цель нашей жизни, что такое добро и что – грех, откуда возникает страдание и зачем оно, где путь к обретению истинного счастья, что такое смерть, суд и воздаяние после смерти, и наконец, что представляет собою последняя и неизреченная тайна, окружающая наше бытие, от которой мы ведем свое происхождение и к которой стремимся?»²⁰

Чтобы ответить на все эти вопросы, открыть для себя всесторонне существующее бытие, человек должен обладать способностью предельно широко смотреть на мир, то есть не только чувствовать Бога, но и воспринимать разумом, что Он есть. Запредельность познания Бога не отрезает от Него человека, ибо она доступна его интеллекту. Папа особенно настаивает на интеллектуальном потенциале человека. И доказывает научно, что через мистику и в мистике может раскрыться естественное состояние человека, что созерцательностью можно овладеть с помощью веры, полагающейся на разум. Одна из его энциклик (посвященная проблеме соотношения в науке философского и богословского начал) так и называется: «Вера и разум» («Fides et ratio», 1998).

Мистический опыт, в понимании Папы, – тоже источник познания человека. Отсюда столь заметная роль отводится человеческому уму: ядром ответственности человека за свой поступок, показывает он, является известная в логике функция суждения, иными словами, – умственная (в прямом смысле разумная) функция. «Закон природы человек познает умом, он прост, он сам себя объясняет»²¹. Следовательно, «человек способен постичь Бога собственным разумом: способен иметь некоторые «знания» о Боге»²². Таким образом, показывает он, есть два пути «познания» Бога: «разума» и «веры». И хотя эти пути различаются между собой, они «встречаются» в человеке, друг друга дополняя. «Признавая Бога через веру, человек несомненно признаёт истиной всю совокупность сверхъестественного и спасительного содержания Откровения»²³. Для человеческого разума, говорит далее Святой Отец, Бог остается одновременно и познаваемым, и непостижимым. «В течение своей земной жизни человек общается с Богом Откровения во «мраке веры» [...]. В то же время – как утверждает св. Иоанн Креста – именно эта «темная ночь веры» является светом, который безошибочно ведет к Богу»²⁴.

А потому вера постоянно нуждается в обновлении, углублении, неустанных обоснованиях представлений о жизни небесной и земной, постичь которую можно прежде всего умом – с помощью разума. Единение с Богом (как и всё то, что непосредственно служит этому единению), настоятельно подчеркивает Папа, является органичной частью интеллектуальной жизни человека: она не должна быть обособленной, ибо интеллектуализм заложен в самой природе человека.

«Вера не умаляет значения человеческого разума, но побуждает человека задуматься и помогает ему лучше понять всё то, что в наблюдаемой действительности вызывает у него вопросы»²⁵. Наука и знания – для человека это такая же повседневная необходимость, как пища, работа, религия. Не случайно он так любит известное изречение св. Фомы Аквинского: «Интеллект – это в своём роде всё».

Благодать

Папа стремится преодолеть искусственно созданную людьми границу между «знанием» и «верой», между постижением Бога «душой» и постижением Его «разумом», между «рассудочным», мыслительным к Нему отношением и чувственным; наконец, между «гуманизмом» и «религией», как бы соединяя в своих размышлениях – проповеднических и научных – важнейшие сферы знаний в единое русло, открывающее мир благодати, без которой не постичь сверхъестественного бытия.

«Под воздействием благодати веры, предваряющей и поддерживающей, и возникает сверхъестественная межличностная «сопричастность», «общность» (лат. *communio*), закладывающая живой фундамент веры [...]. В этой благодати – словно источник сверхъестественного просветления, которое «открывает глаза разума»; благодать веры особым образом охватывает познавательную сферу человека и на ней сосредоточивается. Свет веры помогает человеку принять отдельные истины Откровения»²⁶.

Если попытаться суммировать сказанное Святым Отцом в его трудах и выступлениях на тему познания (а следовательно, и понимания) с точки зрения мистического опыта и с учетом богословского смысла этого опыта, оно предстанет в виде своего рода трехуровневой структуры: познание человека как субъекта, познание его внутреннего мира (через который познается собственно сверхъестественная жизнь) и познание сверхъестественного Объекта. При этом само познание в своей совокупности несводимо к одной лишь области знаний о Боге (подразумевающей, как правило, лишь признание Его сути и Его существования), предполагается понимание Его существования. Между признанием Бога как таковым и Его пониманием заключена принципиальная разница.

Отсюда – следующий вывод, к которому приходит Кароль Войтыла: человек не может собственным умом познать Бога как Объект. Но и с помощью одной веры он также не может узнать, Кто такой Бог, однако посредством веры он может входить в единение с Богом. Тем самым вера обретает качество действенного общения с Богом, и Бог присутствует в человеческой личности реально.

Мистическое единение с Богом – конкретная реальность.

Лишь принятие всегда возможной связи человека с Богом гарантирует человеку полноценное и полнокровное существование в трех взаимозависимых измерениях: «внутреннем», «внешнем» и «сверхъестественном». Гармонизация этого трёхъярусного бытия во многом зависит от умения человека погружаться в глубины своего «внутреннего мира».

«Я всегда больше испытываю тягу к людям с сокровенным, глубоким внутренним миром», – признание принадлежит двадцатилетнему Каролю²⁷, еще далекому от строго научных поисков, но уже тогда осознававшего важную роль в человеке «его внутреннего пространства». Уход в свой внутренний мир вовсе не означает социальной отъединенности, желания скрыться от современных проблем или убежать от их сложностей. Даже напротив, Папа настаивает на органичном единстве и целостности всех трех миров: на этом сложном пути и открываются врата благодати.

Благодать – особая сфера бытия человека, и в его существовании она так же реальна, как реален сам человек, его жизнь, однако в каждой благодать проявляет себя по-разному, а, бывает, что и не проявляет себя вовсе – если человек к ней глух. «Всё может быть действием благодати, надо только уметь и, прежде всего, желать сотрудничать. Этому учит нас притча о талантах⁴. Я полагаю, что на благодать надо уметь отвечать смирением»²⁸, – писал Кароль Войтыла в одном из своих писем в 1940 г. А много лет спустя в научном трактате «Любовь и ответственность» уточнил: «Благодать обладает силой делать прямыми пути человеческой любви». Сказано не просто афористично, но еще и красиво (если под красотой понимать не изысканность слога, а глубину мысли, постигающей взаимоотношения людей и Бога), равно как и следующая мысль: «Действие благодати скрыто в начинаниях как участие невидимого Создателя»²⁹.

Мистический опыт, ставший в свое время предметом исследования знаменитого испанского богослова, достижения которого, в свою очередь, были суммированы Каролем Войтылой, и сегодня находит своих несомненных почитателей и продолжателей, по-разному и по-своему трактующих мистическое учение, а потому, говоря о созерцательном опыте, Святой Отец всегда имеет в виду предельно широкий круг слушателей. И потому в трактовке Иоанна Павла II строго религиозное учение о мистическом смысле встречи человека с Богом (и встречи сугубо индивидуальной) становится достоянием всего человечества как всеохватывающая гуманитарная наука о человеке, мире и Боге³⁰.

⁴ Мф 25, 14-30.

Реализм сверхъестественного бытия

Здесь, по-видимому, таится секрет особой убедительности, которая свойственна Святому Отцу как проповеднику. Его проповеди всегда просты по смыслу, логичны по изложению и совершенны по форме. В некотором роде они – литературно законченные миниатюры, у каждой из них свой внутренний образ, пластика, система сопоставлений, как правило неожиданных, развернутых и объемных.

«Всё, что он говорил, – пишет писатель и критик Анджей Киевский, – было мне хорошо знакомо, и всё удивляло. Казалось, представься мне возможность говорить о том, о чем говорил он, – о преломлении хлебов, воскрешении Лазаря, о Марии Магдалине, я подошел бы к этому точно так же, но в то же время я понимал, что всё это мне никогда не пришло бы в голову. Он рассматривал образ Христа, как на семинарах Выки⁵ анализировали литературные образы... Говорил о Божественности евангельского послания и одновременно – о повествовательной структуре Евангелия. Он вводил образ Евангелиста – участника драмы Христа, Его свидетеля и Его посредника: между Христом и нами словно появлялся писатель. [...] Богословие и антропология в его проповедях представляли единство, одно целое. И всё в них было ясно. Ясными были слова, ясно звучал голос, даже дикция была ясной, и ясным был взгляд, с которым он смотрел на нас с черно-золотого амвона собора»³¹.

К ясности следовало бы добавить особенность, которую можно рассматривать и как одно из средств воздействия Иоанна Павла II на слушателей, но в то же время ее можно отнести и к его мировоззренческой системе: стремление к реализму, которому Папа неукоснительно следует и которому в некотором роде возвращает его истинное значение (исковерканное во многом прямолинейностью трактовки материалистов и особенно марксистов).

Прежде всего он расширяет представление о реализме, преодолевая тем самым существующую со времен Средневековья идеалистическую его трактовку в философии как направления, признающего реальность вне сознания, но не признающего реальность самого сознания, и сложившееся уже в XIX в. понятие о так называемом реализме в искусстве, основанное на отображении «правды жизни» как явлении объективном, но не субъективном.

В мировоззрении Папы – сторонника реалистического томизма – принцип реализма – исходный. И потому, говоря о религиозной мистике, обращаясь к мистическому опыту и наследию его изучения, Папа всегда настаивает на абсолютно реалистичном ощущении присутствия Бога в момент общения с Ним внутреннего человека. При этом для него важен и другой принцип: относительность реализма. В частности, проследивая историю Рапсодического театра, он трактует реализм в театре в категориях сценических законов (к сожалению, изложенная им театральная система, которая была бы способна в полном смысле реформировать современный театр и которая, наверное, после системы Станиславского является самой новаторской, как-то ускользнула от театральных деятелей, в том числе и в Польше). Реализм в интерпретации Папы – это понимание явления в категориях его сути.

С этих позиций он обосновывает необходимость реалистического подхода в исследовании человека-личности, настаивает на реальности той «действительности», которую представляет собой личность, совершающая поступок (но предостерегает против отождествления этой «действительности» с «ситуацией» в смысле философском или психологическом): человек является субъектом реально и переживает себя как субъект тоже реально.

Реалистический метод дает возможность Папе посмотреть на человека всесторонне и конкретно. Личность в его работах – субъект и объект одновременно, отсюда многослойность

⁵ Казимеж Быка – профессор Ягеллонского университета в Кракове, известный литературовед.

взаимосвязей ее объективного и субъективного начал в их более глубинных – объектных и субъектных – соотношениях. Все явления жизни, считает Папа, с их многообразием аспектов рассмотрения, в том или ином виде обязательно подпадают под закон реализма. Причем это нисколько не противоречит апофатизму в подходе к Богу, что свойственно, кстати, как замечает Папа, именно христианскому Востоку: «Чем больше человек возрастает в познании Бога, тем более воспринимает Его как недоступную тайну, непостижимую в своей сущности... Ибо на вершине познания и переживания Бога пребывает Его абсолютная трансцендентность»³². В конечном счете познание – это умение человека раскрывать себя и мир. Говоря иначе, это способность человека быть открытым высшей реальности.

Трансцендентность человека

Открытость – одно из самых важных человеческих свойств.

Жизнь, говорит Папа, предоставляет человеку разные возможности для самореализации. Можно использовать достижения человеческой цивилизации, не испытывая ни в чем недостатка, но глубины человеческой души, которые видятся с высот Духа, неминуемо ускользнут вместе с сверхъестественным бытием. Трансцендентная реальность предполагает существование духовности в человеке: «Посредством своей духовной сущности человек открыт не только истинному, доброму и прекрасному. В этой открытости обретает свою основу свойственная человеку трансценденция»³³.

Папа исходит из того, что трансцендентность является главным измерением человеческого бытия, высшим свойством личности, истоком ее нравственности. «Человек несет в себе изначальное отношение к истине, которое и определяет трансцендентный характер человека как субъекта»³⁴. Такой тип существования подлинно свободный. И он дарует человеку ощущение своего величия. В утверждении величия человека скрыт истинный смысл гуманизма, который способствует раскрытию сверхъестественного призвания человека.

Данный вывод находится на стыке двух философий: философии сознания и философии бытия. Понятие о человеке как «бытии завершенном» заключено в философии бытия, тогда как сознание «вечного беспокойства», сопровождающего человека на протяжении всей его жизни, относится к области внутреннего опыта, то есть философии сознания. И обе эти «ветви» человеческой мысли (или, как говорит Папа Римский, языка, придавая тем самым языку философское значение) неразрывны, ибо в подобной взаимосочетаемости заключена возможность представить человека во всей его подлинной полноте и сложности.

Человек своей открытостью абсолюту жаждет завершенности. Такова диалектика духа и материи как двух начал, определяющих человека как бытие и как субъект (чему и соответствуют две философии). Но именно эта открытость позволяет преодолевать собственные границы: переступать порог. Как и воспринимать красоту, откликаться на нее, в чем бы она себя ни выражала: в чудесах природы, произведениях искусства, литературе, музыке, архитектуре. «Человек только тогда может со всей полнотой открыть красоту и испытать восхищение ею, когда он познает ее источник – трансцендентную красоту Бога»³⁵.

Признанием реализма сознания Папа в своих сочинениях и выступлениях фактически приравнивает «философию бытия» к «философии сознания», точнее было бы сказать, соединяет мысль той и другой «ветви». С одной стороны, это, конечно же, св. Фома Аквинский, а с другой – св. Августин, Паскаль, Кьеркегор, не говоря уже о мистиках, прежде всего о св. Иоанне Креста³⁶. Эта своеобразная богословская «двуязычность» позволила Папе сосредоточить свое внимание на внутреннем человеке, соединившем в своем мире мир «внешний» и мир «трансцендентный», без которых не познать в полном смысле самого себя.

Подкупающая легкость стиля размышлений Иоанна Павла II обманчива. Сказанное им всегда подразумевает определенное интеллектуальное напряжение, ибо по сути касается сверхъестественной реальности, и всё имеет значение с этой точки зрения – в соотношении с ней. А сверхъестественное бытие раскрывается только в параметрах опыта.

В этом смысле любая работа Святого Отца представляет собой так или иначе методологию опытного подхода в самом широком смысле этого слова: и феноменологического, и мистического, и философского, и религиозного, то есть обязательно совокупного. Без такого подхода не может быть подлинно научных знаний, как без признания сверхъестественной жизни – истинных представлений о человеке. И потому важнейший для него критерий – персоналистский.

Милосердие

Папа Римский – богослов-моралист, обосновавший необходимость выработки персоналистской нормы, теоретик антропологической этики, которую он рассматривает в социальном плане прежде всего как писатель – в ракурсе взаимоотношений человека-художника с Богом. И драматизм этих отношений предельно достоверен, ибо подтверждается конкретным примером. Образ брата Альберта в пьесе «Брат нашего Бога» трудно назвать просто художественным, как и отнести его к традиционно понимаемым персонажам, ибо здесь он – лицо историческое: события, связанные с ним как с героем, происходили на самом деле.

Восстанавливая отдельные обстоятельства жизни св. брата Альберта – одни – в определенной последовательности, другие – как «некий миг», – Кароль Войтыла вовсе не ставит перед собой задачи создать чисто историческое полотно, хотя и строго следует закону исторической правды, погружая читателя и зрителя в конкретные проблемы, из которых, по существу, и возник св. брат Альберт как носитель и выразитель идей своего времени. Безусловно, пьеса эта – о Польше и ее святом, но в той же мере она обращена и к нашим, сегодняшним дням в России. Вопросы, которые мучили св. брата Альберта, были жизненно актуальны и в итоге позволяли свести их к одному вопросу: как быть милосердным?

Бывают времена, когда от понимания ставшего вдруг повседневностью факта – вокруг столько неимущих, и мало кого это волнует – зависит будущее страны, моральное здоровье ее последующих поколений. И потому трудно сказать однозначно, чем же является история художника Адама Хмелёвского – поучительной притчей или поводом для создания произведения о любви к человеку.

Можно также предположить и то, что в истории о брате Альберте, в тех сомнениях и метаниях, через которые проходит герой, много от пережитого самим Каролем Войтылой, начиная, пожалуй, с детства, ибо оба познали и драматичность сиротства, и благодать дружбы, исходящей от людей, намного их старше. Есть в этом сходстве автора и героя несомненная близость натур – не случайно так притягательна для Папы фигура и личность этого удивительного монаха, которому посвящена не одна его проповедь.

Существует мнение, что пьеса «Брат нашего Бога» явилась прообразом той программы, которая была заявлена Папой Римским на первых же порах его понтификата и нашла свое воплощение в энциклике «Бог, богатый милосердием»³⁷.

«Подлинное милосердие есть, так сказать, наиболее глубокий источник справедливости»³⁸. Но вместе с тем «любовь – если обратиться к самой ее сути – вне пределов справедливости, выше ее»³⁹. Отсюда стремление понять, почему так трудно дается наука милосердия, которое непостижимо во всей глубине вне христианской заповеди любви.

Особенно много на эту тему было сказано К. Войтылой в свое время в проповедях медикам, обращаясь к которым он стремился прояснить природу столь неоднозначного восприятия человеком милосердия.

«В основе своей человек всегда готов к сопротивлению милосердию. Коль скоро он признает милосердие, то должен признать, что и сам нуждается, по крайней мере, в помощи другого человека. А между тем в каждом заключена большая потребность в самодостаточности: не нуждаться! не оказаться в такой ситуации, чтобы надо было нуждаться! И с этой точки зрения милосердие и религия милосердия видятся людьми не всегда в полную меру... Каждый человек находится в таком положении, в котором он кому-то нужен. И каждый находится в таком положении, когда около него есть люди, которым нужна его помощь»⁴⁰.

Близко знавшие молодого Кароля Войтылу удивлялись тому, как он успевал, а главное, умел незаметно сочетать свое пастырское служение и научные интересы с вниманием к людям, догадываясь, в чем в настоящий момент их нужда, а за помощью и поддержкой в трудные военные годы к нему обращались не раз. Вот как вспоминает об этом один из семинаристов: «Спустя какое-то время у дверей нашей квартиры стала собираться «краковская беднота» с просьбой позвать священника Войтылу. Помню, как постучал в нашу комнату мужчина и попросил выйти о. Кароля. Он вышел к просителю и говорил с ним в коридоре. Возвращается к себе. Нагнулся – и вытаскивает из чемодана, который стоял под кроватью, свитер, прячет его под сутану. Выходит – и тотчас же возвращается, но уже без заметного до этого «живота». Отдал бедняку свой новенький свитер, который только вчера получил в подарок от господина Котлярчика. Сам мёрз и дрожал от холода. Не знаю, откуда доставал и чем делился. Но люди часто приходили и спрашивали его. Делился с бедными, чем мог»⁴¹.

Таких случаев в книге «Календарь жизни Кароля Войтылы», где собраны во фрагментах его выступления (и прежде всего проповеди), статьи, очерки, письма и воспоминания, немало. И дело, наверное, не столько в том, что он делился последним – добрым людям подобное свойственно, дело в большем: к нему приходили за помощью, а ведь не у всякого доброго возьмут, у него же не стеснялись даже просить.

Сущность милосердия выявляется и в главных научных трудах Войтылы «Любовь и ответственность» и «Ли́чность и поступок», правда, в скрытой, не прямой форме. Избрав исходным моментом своих сочинений евангельский принцип «возлюби», автор делает его завершающим, проявляя тем самым незаурядное уважение к читателю⁴².

Здесь нашла выражение особая позиция Святого Отца: мнение свое только высказывать – и тщательно, аргументированно обосновывать, но не навязывать и не рассматривать как последнюю инстанцию.

Милосердие как форма сопричастности, общения людей между собой перед лицом Бога, конкретизируется через понятие «ближний», которое, согласно теории Папы, свидетельствует о способности каждого быть соучастником всего человеческого – находиться в постоянном единстве (и осознавать его!) с любым другим человеком и со всеми людьми. Конструкцию взаимоотношений людей при условии сохранения индивидуальных прав каждого он выявляет в структурной сложности самой заповеди: с одной стороны, она представляет собой «систему» соподчинения людей, объединенных началом человеческого, но с другой – в ней выступает и начало личностное – нацеленностью на собственное «я»: «... возлюби ближнего твоего как самого себя»⁶. Мерой любви к ближнему, подчеркивает Папа, является любовь к самому себе, но эта «мера» одинаково важна в двух направлениях, ибо мерой любви к себе самому и является любовь к ближнему⁴³.

⁶ Мф 22, 39.

А потому то, что мы выражаем в слове «ближний», принципиально отличается от того, что мы подразумеваем, например, под понятием «близкий» или под словосочетанием «член общества, общности, некоего коллектива». Люди могут быть членами разных групп и сообществ, могут оказаться вместе и в связи с этим быть друг другу близкими, могут и, наоборот, оставаться чужими, но независимо от этого они всегда будут в отношении друг друга «ближними», и таковыми эти отношения не перестанут быть ни при каких социальных или политических катаклизмах.

Благодаря этому в человеке сохраняется человеческое: всё то, что в нем существует независимо от его социального статуса и неразрывно с ним, заключая в себе два начала: любой другой и я сам. Следовательно, «ближний» – всеобъемлющая реальность и общность между людьми. Пренебрежение этой категорией и порождает отчуждение человека от человека – едва ли не самую опасную болезнь современной цивилизации.

Когда Иоанн Павел II рассуждает о евангельской заповеди любви применительно к любви, это воспринимается естественно и логично, но в контексте социальных отношений, с точки зрения категории «участия», кажется непривычным, чем-то новым, хотя без этого контекста истинной сути понятия «ближний» (как и «участия») нельзя осознать. Вот эта смелость и естественность соединения сегодняшней жизни с категориями, которые выработаны тысячелетней традицией, и делает, наверное, мысль Папы одновременно традиционной и актуальной, близкой и понятной каждому, благодаря чему на задний план уходит тип доказательности и ее сугубо научная ценность – результат, который получен кропотливым и долгим трудом.

Человек действующий и проблемы выбора

Человек исследуется Каролом Войтылой в разных измерениях (как личность и собственное «я») и в разных масштабах, которые философ сводит, например, в «Любви и ответственности», к тому, как человек проявляет себя в общении с противоположным полом, а в «Личности и поступке» – в действии. В первой работе акцент сделан на сексуальной этике, во второй – на поступке человека, понимаемом как «осознанное действие». При этом любовь также трактуется как поступок, поскольку через свой поступок личность проявляет себя и становится в любви субъектом.

Многомерна подобного рода «модель» действующего человека: она предстает в психологическом, гуманистическом, феноменологическом, экзистенциальном, антропологическом, персоналистском, наконец, этическом и сверхъестественном измерениях, причем последнее оказывается и самым глубинным, и как бы всё в себя вбирающим, тем обобщающим масштабом, к которому стремится нынешняя культурология, если видеть в ней интегральную дисциплину, привлекающую материал из смежных областей.

Но и этими определениями сущность предложенных К. Войтылой «моделей» не исчерпывается: внутри, например, модели действующего человека, в зависимости от вида самого действия, находит проявление внутренний характер человека (с его причастностью к действию), а также раскрывается суть человеческого вообще, как и сам механизм взаимодействия человека с окружающим миром (в категориях участия и со-участия) и с сверхъестественным бытием (через «внутренний мир» человека и посредством трансцендентного).

Войтыла прослеживает, как в действующем человеке обнаруживает себя присущая личности зависимость от истины (конечной и начальной инстанции морали), которая формирует свободу, реализуемую через свою подчиненность этой истине – здесь объяснение тому, что свобода обуславливает духовный динамизм личности.

«Уважение свободы тварного существа носит настолько принципиальный характер, что Бог своим Провидением допускает даже грех человека (и ангела). Разумное творение, вознесенное выше всех остальных, но всегда ограниченное и несовершенное, может употребить во

зло свою свободу, может воспользоваться ею против Бога, своего Творца»⁴⁴. Через понимание этого многое объясняется в трагической истории человечества.

Выбор – одна из важнейших категорий, характеризующих человеческую жизнь в ее взаимосвязи с сверхъестественным бытием. Без выбора нет трансцендентного. Высшая цель выбора – в предназначении человека. В выборе (и связанном с ним решении) находит отражение подлинная свобода человека, которому дана возможность творить свою судьбу, осознавая Божие Провидение (исключая понятия «слепой судьбы», фатума, рока).

«Предназначение подразумевает предвечное призвание человека быть сопричастником самой Божественной природы [...]. В этом значении предопределение предшествует «основанию мира», то есть сотворению; более того, сотворение осуществляется с перспективой на такое предопределение человека»⁴⁵.

Личность, утверждает Святой Отец, использует возможности сотворенного мира, но в целях, которые ставит себе сама, ибо только она одна понимает их суть и способна определять свои цели.

«Действие этого принципа, – подчеркивает он, – распространяется на всех; никто не имеет права использовать личность как средство для своих целей: ни один человек, ни даже Бог-Творец [...]. В том-то и состоит глубочайшая логика Откровения: Бог дает человеку возможность познать сверхъестественную цель. Но человек сам волен решать, выбирает ли он эту цель, будет ли он стремиться к ней. По той же причине Бог не спасает человека против его воли»⁴⁶.

Выбор, который предоставляется человеку свыше, находится в согласии с Провидением как с любящей Премудростью Божией, но именно от человека как существа свободного требуется умение правильно выбирать и принимать решения – касается ли это личной его жизни, гражданских прав или семейного положения.

Следовательно, выбор определяет жизнь человека, его, строго говоря, нравственность, «ибо человек способен выбирать между добром и злом, в чем ему помогает голос совести»⁴⁷. От правильного выбора личности, от ее умения быть в согласии с самой собой (а следовательно, и с Божиим Промыслом) зависит ее самореализация.

Выбор, обуславливающий духовность, изучается Папой в контексте всего тварного мира – видимого (люди) и невидимого (ангелы): сама природа выбора глубоко драматична.

«Выбор, сделанный на основе истины о Боге, познанной чистыми духами с большей полнотой благодаря большей проницательности их разума, разделил мир чистых духов на добрых и злых. Добрые выбрали Бога как наивысшее и конечное благо, познаваемое с помощью разума, просветленного Откровением. Они выбрали Бога, то есть обратились к Нему всей внутренней силой своей свободы, а эта сила и называется «любовью» [...] Другие, напротив, отвернулись от Бога, вопреки истине познания, указывающей на Него как на высшее и конечное благо. [...] На основе своей тварной свободы они сделали выбор – столь же решительный и необратимый, как выбор добрых ангелов; однако это был диаметрально противоположный выбор: вместо полного любви принятия Бога – отрицание Его, проникнутое ложной убежденностью в собственной самодостаточности, духовном сопротивлении, даже прямой ненавистью, которая переросла в мятеж»⁴⁸.

Потому-то существует зло в мире, что Бог хочет, чтобы тварный мир был полностью свободным: «Гораздо более важным является существование свободных существ, нежели то, что эти существа могут использовать свою свободу против Творца, то есть что эта свобода повлечет за собой нравственное зло. В этом смысле христианское вероучение полагает, что Бог попускает существование нравственного зла»⁴⁹, а вместе с этим и усиливает ответственность человека за свой выбор.

Итак, выбор – свобода воли во всём, и как таковой он неотделим от совести. «Мы хорошо знаем по философским работам, а еще лучше – по шедеврам литературы, каким мощным «резонатором» располагает совесть в области эмоциональной субъективности человека, в сфере чувств, причем чувств наиболее глубоких»⁵⁰.

Совесть – еще один важнейший компонент духовности человека, формула личности, непереносимое условие для самореализации личности в поступке. С понятием совести сопряжено чувство долга, неотделимое от свободы, которая находит выражение прежде всего в осознании своей причастности к поступку и ответственности за него.

«Я убежден, – говорит Папа, – что в сфере – нравственного добра и зла мы прикасаемся, оставаясь в основе своей бытием случайным, к чему-то, что является абсолютным». И далее: «... Я полагаю, что когда Христос говорит «и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8, 32), Он имеет в виду также эту органичную связь свободы с ответственностью»⁵¹.

«Всё вместе, – подчеркивает Иоанн Павел II, – совесть, правда, ответственность, свобода – составляют до некоторой степени, единую совокупность. Совокупность человеческого внутреннего мира, которая – хоть и не подлежит ощущениям, но все же дана нам в чрезвычайно интенсивном опыте. Это – опыт человека, а еще больше – опыт человеческого – того, благодаря чему человек окончательно и принципиально является человеком. Совокупность эта до некоторой степени «складывается» из совести, истинности, ответственности, свободы, но «сложность эта» не имеет абсолютно ничего общего с теми «сложностями», которые мы встречаем в материальном мире»⁵².

Знаменательно отношение Папы к опыту: применяя его и показывая его возможности, он обнаруживает, что над всей его сложной громадой возвышается всеобъемлющая простота. И здесь ему неоценимую услугу оказывает язык.

Ответственность

У слова-понятия в языке и толковании Папы Римского – свой скрытый потенциал, свой мир и своя роль, которую нельзя свести к какому-либо одному правилу или закону. Слово может выступать совершенно самостоятельно (выходя за границы собственно терминологические), но при этом ни одно из понятий не существует само по себе.

Наиболее показательно само слово «ответственность», неотрывное от категорий человеческого, к которым (наряду с волей, свободой, совестью, выбором и решением) причисляются еще «любовь» и «долг». И каждое из всех этих «элементов» системы человеческого по-своему свидетельствует о человеке и его месте в жизни, отражая взаимосвязь запредельного и глубинного, внутреннего и внешнего. Ответственность проявляется в любви, в действии, в выборе – перед Богом и самим собой.

Проблема ответственности многогранна. Тезису о том, что личность в человеке измеряется ответственностью, Святой Отец посвятил сочинение «Любовь и ответственность» – «плод неустанного сопоставления доктрины с жизнью» – и «Личность и поступок» – научный труд, возникший словно в подтверждение основных положений II Ватиканского Собора, в котором сам автор принимал активное участие. Обе работы составляют своеобразный «трактат о человеке»: в первой из них слово «ответственность» даже вынесено в заголовок, во второй оно (в смысле внутренней, осознаваемой ответственности) становится точкой отсчета.

Совершая поступок, человек как личность не может не осознавать сферы своей ответственности. Чувство осознанной причастности к совершаемому поступку неотделимо от ответственности за этот поступок, а все вместе непосредственно связано с тем нравственным и правовым порядком, который определяет климат межчеловеческих и социальных контактов.

Вот еще почему ответственность является внутриличностным фактом, переживаемым человеком в неразрывном единстве с совестью, она же формирует динамику воли, которая в определенном смысле представляет собой способность личности реагировать на ценности. Эта способность особым образом интегрирует действие человека, придавая самому действию черты личностно трансцендентного. Ответственность (как и долг) является составляющей трансцендентности, свойственной любому человеку. Папа рассматривает ответственность как категорию, измеряющую личностную структуру человека, и считает ее обязательным элементом системы человеческого бытия и человеческих взаимоотношений.

Наряду с ответственностью существует еще и само-ответственность: то, что в полном смысле определяет человека как личность. Следовательно, ответственность – врожденное человеческое качество, а не то, что прививается воспитанием с детства, как долгие годы полагали, уповая на влияние окружающей среды. Но одно дело – ответственность человека перед самим собой за совершаемый им поступок, а совсем другое – перед иными людьми.

Ответственность обуславливает долг, но в то же время она каким-то образом в этом долге уже наличествует и «работает» на его установку. Здесь – корень рассуждений Папы об ответственности как категории, которая заключена в самой личности – в ее онтологии и аксиологии – и которая указывает на то, что вне ответственности личности себя не реализовать. «Человек именно потому ответствен за свои поступки и потому переживает за них ответственность, что он обладает способностью отвечать на ценности волей».

Тем самым ответственность за избираемую ценность, что присуща личности как объекту действия, теснейшим образом связывается с ответственностью за личность как субъект, то есть еще и за ту ценность, которая проявляется в нем самом, в его конкретном «я» одновременно с действием. Ответственность – обязательный компонент каждого поступка личности (и этим личность отличается от человека). А без поступка личности просто нет. Так возникает принципиальная и главная ответственность за нравственную ценность того личного «я», которое является причиной поступка. В совокупности этим понятиям соответствует то, что принято называть нравственной ответственностью.

Однако вышеперечисленными значениями ответственность как личностная категория не исчерпывается, существует еще ответственность «за» и ответственность «перед». Причем ответственность «перед» (кем-то, любой другой личностью) формирует и ответственность «за», подтверждая, что мир личностей имеет свою особую межчеловеческую и социальную структуру.

Здесь, по сути дела, берет начало «коллективная ответственность», о которой Папа пишет, в частности, в энциклике «Сотый год»⁵³, предостерегая в то же время от того, чтобы понимаемая в таком аспекте ответственность личности передоверялась гражданским законам. Как в современном мире гражданский закон соотносится с нравственным законом, Папа прослеживает в энциклике «Евангелие жизни»⁵⁴, поставив во главу угла всех своих рассуждений вопрос о неприкосновенности человеческой жизни, сквозь призму которого Святой Отец смотрит на все формы ответственности: личной, социальной, супружеской, материнской, религиозной.

Ответственность, настаивает он, характерна только для личности и свойственна лишь ей, а потому ослабленная ответственность равнозначна ослабленности личностного начала (в смысле самого бытия личности)⁵⁵, что означает начало деградации личности.

Тип изучения человека со стороны того, «что в нем есть действительно человеческого», диктует необходимость соединять антропологию с этикой, исследовать действующего человека и с позиций персонализма, феноменологии, экзистенциализма⁵⁶. Широта подобного метода оказывается лучшей формой и системой доказательств. И однако же при всей своей глобальности сам метод позволяет данную проблематику свести к одному-единственному моменту:

к нравственной точке отсчета «могу – не должен» – своеобразной границе личности в человеке, мерилу его внутренних качеств.

Нельзя говорить о нравственности в отрыве от человека, как нельзя понимать и исследовать человека без правильного ответа на вопрос: «что есть нравственность?». По убеждению Папы, нравственность – своеобразное «напряжение» духовного свойства, которое по характеру своему двусторонне, это сугубо экзистенциальная реальность, связанная с личностью посредством ее собственного субъекта, явление глубоко внутреннее, которое вместе с тем относится и к миру внешнему, следовательно, это область, где оба мира «встречаются». Но нравственности не бывает самой по себе: она проявляет себя в ответственности и долге. Этот вывод был сделан К. Войтылой в период, когда он, работая над докторской диссертацией о Максе Шелере⁵⁷, всесторонне исследовал проблему ценностей.

Полемизируя с классиком феноменологической этики, по существу разводящим в разные стороны такие понятия, как переживание и реальный поступок, воля и любовь, существование и деятельность, К. Войтыла поставил вопрос о необходимости понимания человеческого опыта в единстве ценностей и действия, показав, во-первых, что в отношении человека, его внутреннего мира, есть объективные ценности (не только субъективные), а во-вторых – что существует принципиальное различие между нравственным опытом и опытом нравственности⁵⁸.

Вера. Надежда. Любовь

Папу Римского никак не назовешь приверженцем какой-то одной традиции и даже человеком традиционного склада ума – столько сразу разных традиций и подходов соединяет он одновременно. Однако новаторство его – и это не парадокс – проявляется прежде всего в неукоснительном следовании традициям, что является характерной чертой его мировоззрения и научной этики. Если и можно услышать упрек в его адрес, то чаще всего именно по этому поводу. За каждым его выступлением, исследованием, трактатом стоят идеи и понятия с наработанным за столетия «полем значений». Будучи обращенной к сегодняшнему дню, любая его научная работа – по философии ли, этике или антропологии – представляет собой еще и краткий исторический очерк по данной проблематике, некий экскурс в прошлое избранной точки зрения (а то и целого их комплекса), включая сюда не только философско-богословскую (в первую очередь католическую) мысль, но и документы папства, о чем свидетельствуют его Обращения.

Сама манера изложения материала обязательно нацелена у Папы на диалог, на продолжение – на дальнейшее развитие: ни одной своей крупной вещи он не начинал с «нуля»: даже, пожалуй, самая ранняя – рапсод «Слово—Логос» представляет собой опыт обобщения слова в том его религиозном контексте, который подразумевает единый процесс – историю человечества. И это – особенность его поэтики в целом, всегда несущей на себе печать наследия (не случайно Папа так любит цитаты). За каждым произведением стоит имя – и не одно: Аристотель, Платон, св. Августин и св. Фома Аквинский, св. Иоанн Креста, Кант и Гуссерль, Павел VI и Лев XIII, апостолы, которые, кажется, сопровождают каждое его слово. Но главным Путеводителем является Христос, давший миру заповеди, Его учение любви.

У этого учения, полагает Иоанн Павел II, не может быть застывших форм, но суть ее неизменна. Вероучение, как и сама вера, не должны быть чем-то раз и навсегда данным, догмой или слепым следованием некой конкретной традиции, своего рода «социальной моделью» по типу «так считают другие». Вера в его представлении подразумевает постоянное движение, поиск иных аргументаций, воззрений, подходов.

Папа рассматривает веру как индивидуальное свойство каждого, результат усилий духа отдельного человека. Вера может быть унаследованной, а может быть и выбранной сознательно, главное не в том, когда и при каких обстоятельствах человек стал верующим, но в том, чтобы вера была результатом зрелого выбора. Поэтому основополагающее значение Папа отводит вере «рассудочной», то есть «разумной».

«Вера является добровольным и сознательным ответом разума на слово Божие [...]. То, что я верю, а также для чего я верю, органично сплетено с тем, во что я верю»⁵⁹. Понятие веры, отношения к ней, показывает Папа, раскрывается через овладение культурой слова. Вот почему он призывает и настаивает: «Мы должны о вере говорить». Но вера, хоть она и отражает индивидуальное мышление человека, есть дар, предназначенный всем людям как «детям Божиим» и «братьям».

Проблема веры, таким образом, неотделима от всей человеческой культуры как исторически, так и научно, и в этом смысле культура обретает качественно иное значение – органичной частью религии⁶⁰, обеспечивая единство людей на основе веры, которую Иоанн Павел II рассматривает в разнообразии ее конфессий.

Однако, считает он, именно христианская вера, неразрывно связанная с Откровением, которое (как и вера) «превосходит» человека, открывает перед ним сверхъестественные перспективы. Это и побуждает человека всегда к чему-то стремиться. Данный вывод сделан был Папой и обоснован в его работах о богословии св. Иоанна Креста, в которой особое внимание он обращает на призыв Учителя мистики жить согласно богословским добродетелям веры, надежды и любви⁶¹.

Жить в вере и верой помогает надежда, преодолевающая границы смерти, одиночества, пустоты. «Очень важно переступить порог надежды, не задерживаться перед ним, позволить себя вести», – говорит Иоанн Павел II, показывая, что вся человеческая жизнь будет существовать в призме надежды, если человек овладел мудростью «испытывать сыновний страх Божий, который есть любовь»⁶². Этой теме посвящена его специальная книга, а значительно раньше – художественные сочинения «Размышления об отцовстве», «Размышления о смерти», «Брат нашего Бога», главная мысль которых – человек не может обрести себя без надежды, которая всегда – и новая жизнь. «Учась надежде новой, мы движемся всё время к новым берегам» (цикл «Размышляя: Отчизна»).

Надежда питаема эсхатологическим ожиданием, которое особенно ярко присутствует в христианстве Востока. «Восток живым образом выражает реальность Предания и ожидания. Все его богослужения преимущественно – это воспоминание о спасении и призывание возвращения Господа. И если Предание учит Церкви верности тому, что их породило, то эсхатологическое ожидание побуждает их быть тем, чем они еще не стали в полноте и чем Господь желает их соделать, а следовательно, побуждает искать все новые пути верности, преодолевая пессимизм, ибо всё устремляется к надежде Божией, которая не постыжает»⁶³.

Любовь – конечная правда о вечной жизни, обозначенная вертикальной линией развития – устремленностью ввысь. В культуроведческой «системе» Папы она – и самостоятельный элемент, и Явление, объемлющее всё: Бог есть Любовь (кстати, под таким лозунгом проходила его поездка на Родину летом завершающего тысячелетие 1999 года).

«В борьбе между добром и злом, между грехом и искуплением последнее слово останется за любовью»⁶⁴. Иоанн Павел II одним из первых в современной науке сделал попытку описать и проанализировать одновременно все проявления любви: половое влечение, добродетель целомудрия, брак и т.д. При этом акцент делается им на любви, которая должна приравняться к христианской, вопреки многовековой традиции не объединять в одно целое любовь в понимании евангельском и земном: вопросы пола исключались из философии и богословия, их всегда относили к сфере сексологии.

«Генеалогия моих работ, сосредоточенных на человеке, на человеческой личности, – прежде всего пастырская. Именно с пастырской точки зрения в книге «Любовь и ответственность» изложил я концепцию персоналистского принципа. Принцип этот – попытка перевести на язык философской этики заповедь любви. Личность – это такое существо, надлежащим отношением к которому является любовь. Мы справедливы к личности, если любим её. Мы справедливы и к людям»⁶⁵.

Принято под проблематикой пола подразумевать проблематику плоти. Отсюда и несколько однолинейная трактовка любви с точки зрения физиологии и медицины и лишь затем – в психологическом ключе. Считают также, что обе науки – физиология и медицина – могут стать основанием для выработки норм этики. Папа Римский рассуждает принципиально иначе: физиология и медицина лишь дополняют суждения о личности, взятые в контексте ее существования, с учетом ее поступков и права.

Любовь по сути своей бескорыстна, высшим проявлением бескорыстия на Земле является любовь названного отца. О такой любви говорит Войтыла, вспоминая жизнь Иосифа, такую любовь воспевают в мистерии «Свечение отцовства» (обращенной своей стилистикой, символикой и атмосферой к «Песни песней»).

Но как отличить ложную любовь от настоящей? Это вопрос, который волновал и волнует философов со времен стародавних, и чтобы ответить на него, Папа Римский обращается к тезисам о доброжелательности, сформулированным еще св. Фомой Аквинским и помогающим уяснить характер бескорыстия в любви. В полную меру понять любовь вне ее межличностной сути нельзя, ибо она всегда – любовная пара, единство двоих, не просто «я» и «я», а некое особое «мы»: «Количественно и психологически в самом деле существуют две любви, но два эти отдельных психологических факта, соединяясь, создают одно объективное целое – как бы единосущное бытие, в котором участвуют две личности»⁶⁶, – и путь от одного «я» к другому «я» лежит через свободную волю – через вовлеченность. Взаимность обуславливается в любви существованием «мы»: любовь обладает структурой межличностной общности. Отсюда характеристика любви как силы связующей, ее природе противопоказано дробление и изоляция.

Но любовь – и величайшая драма человеческого бытия.

Особенность любви – в ее постоянном движении, порыве: она никогда не «есть, но только «будет»: будущее, говоря словами героини пьесы «У лавки ювелира», всегда зависит от любви.

У любви безграничные возможности.

Нравственное учение Нового Завета, утверждает Папа, помогает понять заповедь любви как благо: триада богословских добродетелей – веры, надежды и любви – являет благодать как бы по закону «обратной связи», обретая свой высший – может быть, самый объемный – смысл в том, чтобы быть своего рода ступенями, ведущими в сверхъестественное бытие.

Рассматривая сам этот путь, Святой Отец привлекает к нему интерес со стороны человека, показывая естественность его развития именно на этом пути и конкретизируя науку о добродетелях. Он вводит новые понятия, а они, в свою очередь, становятся стержневыми в его мировоззрении – нечто вроде перил, держась за которые, легче подниматься по ступеням⁶⁷.

Учение об этих добродетелях лежит в основе духовной философии Иоанна Павла II. Понятия и категории этого учения, состоящего из разных по стилю, жанру и объему работ и высказываний, не равнозначны. Одним из них Святой Отец посвящает специальные исследования, другим отводит отдельную главу или избирает темой для проповеди, третьи вроде бы им лишь опосредованно упоминаются, но каждое из них можно выразить отдельным словом-понятием, которое становится в его системе практически неделимым, и в этом своеобразие эсхатологии его слова, что делает ощутимой его сверхъестественную сущность. Все же вместе эти добродетели – их мы попытались выделить специально и через них дать описание взглядов Папы Римского – выполняют роль связующих элементов, благодаря которым его собственное

учение (в художественной, богословской или философской форме) обретает вид четко изложенной системы со своей логикой. Вот эта органичность всего сказанного им и написанного – может быть, самое яркое проявление цельности его мировоззрения.

Единение

Одним из ключевых для Папы является понятие единения. Оно нашло воплощение уже в его имени, соединившем имена трех его предшественников и великих деятелей Католической Церкви: Иоанна XXIII, Павла VI и Иоанна Павла I. Иоанн Павел II считает себя их прямым продолжателем.

Поиском единства миропонимания проникнута его философия, методология которой основана на стремлении соединять самые разные, порой прямо противоположные концепции и модели; его поэзия, где каждое слово, отмеченное образностью единения (через символ света, Креста, воды, колодца, камня, дерева), представляет собой некий сплав речи устной и письменной, текста, открытого читателю и герменевтически замкнутого, эзотерического. События исторического прошлого незаметно вплетаются в сиюминутные события, у которых есть и «внешние» параметры, и критерии глубин внутреннего мира человека.

Однако главный смысл единения – единение с Богом, реально возможный мистический акт. Доказательством необходимости такого единения исполнен подход Папы к человеку как к отдельной личности, которая при всей своей индивидуальности живет в мире других, таких же, как она, индивидуальностей, соучаствуя с ними в процессе созидания жизни.

Единение – не просто слово, понятие или отдельная концепция, это позиция Папы, идет ли речь о человеке, которого он изучает, или о художественном образе; о методе познания или о государстве и религии. Принцип единения подразумевает как взаимодействие различных между собой верований (что нашло подтверждение в, можно сказать, программном в этом плане апостольском послании «Свет с Востока»), так и взаимопонимание человека с самим собой, с людьми вообще, с природой, с окружающим миром и, разумеется, с Богом. «То, что нас связывает, больше того, что нас разъединяет». Ссылаясь на эти слова Иоанна XXIII, Папа в беседе с В. Мессори подчеркнул: «Ведь все мы веруем в того же Христа, и вера эта – главное наследие семи Вселенских Соборов, которые собирались в первом тысячелетии. Значит, есть основа для диалога, для того, чтобы расширять пространство единения и преодолевать разделения, возникшие большей частью из убежденности в исключительном обладании истиной»⁶⁸.

Поиску и выработке форм взаимопонимания людей и народов между собой подчинены все высказывания Святого Отца, обращены ли они к политическим деятелям или просто к людям, касаются ли проблем вероучения или социально-общественных явлений. Величайшим завоеванием человечества он считает культуру, призванную сутью своей объединять⁶⁹.

Культура, которая неотрывна от понятия цивилизации и материального благосостояния, на самом деле способствует более важному и существенному – духовному сплочению людей разных возрастов, национальностей, вероисповеданий. Как раз с этой точки зрения Папа предлагает подойти к решению вопроса о целостности Европы и ее границ: всегда ли и так ли уж необходима разделительная черта? Где кончаются государства и начинаются народы? Понять и ответить на все эти вопросы можно только с позиций культуры, для которой никаких границ не существует⁷⁰. С начала 1980-х годов, исходя из всеобъемлющего характера культуры, Иоанн Павел II начинает систематически говорить о единстве Европы, обосновывая его возможность и необходимость. И мы становимся очевидцами воплотившейся в жизнь провозглашаемой им идеи.

Важнейшие признаки истинной культуры – отношение к труду и к памяти. Проблемам труда, его эстетике (красота для Папы Римского неотделима и от тяжелого физического труда,

ибо в нем – сила солидарности, созидания и вдохновения) посвящены важнейшие выступления Святого Отца, который убежден в том, что истинно справедливый строй может быть основан только на уважении достоинства каждого человека и что проблемы политики, экономики нельзя решать вне морали – всё это и определяет, в итоге, уровень культуры. Как и признание особенностей традиций, питаемых памятью.

Память

Памятью осуществляется связь времен: настоящего, прошедшего и будущего. В верности памяти для человечества заключена гарантия от повторения ошибок и доступ к истине, а это – залог подлинного прогресса, под которым понимается внутренняя эволюция человеческой личности в ее цельности и преемственности.

Человек – существо историческое. Однако историчность его как объективна, так и субъективна, в этом – непреходящий характер историчности человеческой личности.

В своих научных трактатах Папа занимается человеком с точки зрения тех его свойств, которые не подвержены времени. В художественных произведениях легко смешивает даты, переставляет хронологию событий, измеряя историю единственным Событием. Ничего не проходит. Но всё минует.

Историчность, будучи категорией трансцендентности, представляет собой явление жизни и бытия, которое включает в себе гуманистический смысл. И она свойственна только человеку: лишь он способен творить историчность, поскольку в самом человеке есть нечто такое, что сопротивляется бренности и ее «перерастает».

Принцип историчности – одновременно и то, что лежит в основе существования человека в мире, и критерий понимания развития личности. «Историчность – способ существования того, кто, минуя, сохраняет свое тождество».

«В основе идеи о Боге, в основе «разумного» познания Бога для человека лежит не только «мир» (или Вселенная), но и в то же время, а может, и прежде всего, сам человек в этом мире. Человек в своей историчности – значит еще и в том, что ее перерастает»⁷¹.

Историчность в подобной трактовке невозможно измерить историческим методом. «Человек вообще есть нечто такое, что не позволяет исторически объяснить его исчерпывающим образом. В нем живет внеисторический зародыш, вот он-то именно и находится у самых истоков человеческого в человеке», – этому выводу Кароль Войтыла посвятил пьесу «Брат нашего Бога».

Язык

Отсюда один из важнейших постулатов Иоанна Павла II: память об истоках человечества определяет жизнь человека и находит воплощение прежде всего в любви – к стране, давшей культуру и язык; к городу, где человек родился; к родителям, которые воспитали. Родной язык – великий кладезь, он приобщает к прошлому, он носитель национальной традиции, источник вечного обновления и залог пребывания человека в общности, его со-участия. Язык запоминает, «как поколения уберечь старались сокровищницу края, богатства: прежние и новые» (из цикла «Размышляя: Отчизна»).

Рассуждения Папы о языке его предков и отцов не отделить от размышлений об Отчизне: их патриотичность неизменна, но без пафоса, даже в поэзии, особенно к этому склонной. Язык подобен горящим свечам, что зажигают в память об ушедших близких (как, например, в «Дзядях» Мицкевича, в свою очередь воссоздавших древний обряд поминовения) или потоку, несущему свои воды к океану человеческой речи. Войтыла-поэт сожалеет о том, что польскую речь

не знают другие народы, которым она представляется трудной, малопонятной. Складывается парадоксальная ситуация, которую Папа не без горечи констатирует: «Наш собственный язык нас замыкает: закрыв, не раскрывает».

Невозможно смириться с тем, что родной язык может исчезнуть, ведь он запечатлел и зов народа к свободе, воспринятой им как великий дар, и борьбу за эту свободу. Язык научил распознавать глас пророчеств, но и осознавать национальную причастность к общему благу – «добра и зла познания», приобщил к вере и стал истоком всего – началом материнского присутствия и знаком бытия (цикл «Мать»).

О своеобразном и самобытном языке самого Папы говорят и пишут постоянно, обращая внимание на простоту его стиля, и при этом умение мыслить символически сложно; на системность мышления семиотическими образами, благодаря чему его слово способно отражать многосторонние связи человеческого бытия⁷².

В риторике Святого Отца заключена загадка: прежде всего это касается его своеобразного «чувства слова», что испокон века было свойственно поэтам, пророкам и проповедникам и что (еще одна загадка) этим словом он совершенно по-особому владеет: как образом, возникшим из глубин всех языков сразу – и праязыка, и языка будущего, и языка всего человечества в целом. В этом смысле для него порог в Третье тысячелетие давно перейден.

А слово как особое и целостное понятие, как категория человеческого (существования человека, мышления, правового сознания, художественного таланта, веры – всего того, что человеку дается изначально, что было выработано на протяжении его истории, что свойственно отдельно конкретной личности и всем людям вместе, что их объединяет и возвышает) впервые, наверное, со всей силой заявило о себе в годы учебы Кароля Войтылы в Ягеллонском университете Кракова. «Мой выбор полонистики, – пишет он в книге «Дар и Тайна», – был мотивирован ярко выраженной ориентацией на изучение литературы. Однако первый же год занятий повернул мое внимание в сторону языка. Мы изучали описательную грамматику современного польского языка, следом – историческую грамматику с особым упором на старославянский язык. Это ввело меня в совершенно иное измерение, или же, можно сказать, в таинство слова.

Слово, пока оно не произнесено со сцены, вначале живет в человеке, является неким основным мерилем его духовной жизни. Оно направлено, наконец, на беспредельную тайну Самого Бога. Открывая слово посредством занятий по литературе и языку, я не мог не приблизиться к тайне Слова – того Слова, о котором мы ежедневно говорим в молитве «Ангел Господень»: «И Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин 1, 14). Позже я понял, что эти занятия по полонистике подготавливали во мне почву для другой направленности интересов и учебы: я имею в виду философию и богословие»⁷³.

В языке Иоанна Павла II слово – «живой организм», со своей историей (и предисторией), смысловой многозначностью и «статусом» (отсюда обязательная характеристика происхождения слова, выявления его однокоренных связей, лексики). Оно всегда метафора и зерно (сердцевина) мысли. Иоанн Павел II, употребляя слово, является одновременно и отправителем, и получателем, будто соединяет в слове два начала сразу – адресата и адресанта, что придает слову «трансценденция» свойство: при всей внутренней замкнутости оно открыто другому человеку и Богу (как церковь, «закрытое» помещение которой обладает «открытостью», что находит отражение в самой архитектуре).

Святой Отец часто употребляет в разных по жанру сочинениях одни и те же слова, через это обретающие лексическую многозначность, благодаря чему в контексте выявляется неисчерпаемость семантики каждого слова, его смысловая бесконечность. Слово может быть художественным образом и категорией этоса, его пророческий смысл заключает в себе и конкретный жизненный факт. Так устраняются перегородки между повседневным звучанием слова и сферой сакрального, органично соседствуют между собой разные стилевые потоки, естественно соединяются «ученость» и эстетика, что, в свою очередь, делает особенным язык Папы Рим-

ского, который каждому сочинению придает свою литературную форму, в связи с чем собственно жанровые определения весьма относительны.

Слово в своей предельной наполненности и смысловой содержательности, а вместе с тем открытости и обращенности ко всем мирам, доступным человеку, близко понятию света с его лучеобразной структурой, что естественно делает слово Иоанна Павла II светящимся, подобно звезде или фонарю, освещающему пространство (мысли).

Характеризуя систему связей «слово – мысль – действие» применительно к театру и драматургии, К. Войтыла замечает: «Мысль отнюдь не является застывшей, а обладает собственным движением. Именно эта динамика мысли берет живое человеческое слово и делает его зачатком действия».

И то, что вроде бы имеет отношение к сугубо театральной эстетике, приложимо ко всему человеку как бытию, если рассматривать само бытие как представление, а человека как персонаж, и тогда взгляд художника обретает способность проникнуть в видение Творца.

Стоит отметить здесь особую содержательность вербальной образности языка Папы Римского, в которой художественное начало, определяющее суть каждого образа, словно сливается (или уступает место) качественно иному началу: сверхъестественному. Образная структура его поэтики свидетельствует о том, что сам язык – это не просто символика слиянности земного и неземного, скорее, здесь можно говорить о сверхъестественном языке как таковом – о языке сверхъестественного мышления.

Словесная ткань не терпит разрывов, ее узлы не спрячешь. Отсюда ее прочность, покоящаяся на самом, пожалуй, мощном источнике – языке родства.

Язык живет памятью и соединяет людей в единую семью.

Представление о семье в творчестве Папы многоаспектно и, как всё в его творчестве, образно, но и конкретно – по-земному.

Семья

Семья подразумевает прежде всего семью всех народов, общность людей Божьих, каждый из которых другому брат. Семья – это братство цивилизации любви (по определению Павла VI).

Но семья – это еще и Церковь, единство верующих, у которых свой Дом. Понятие о семье неотрывно от понятия о доме и о взаимоотношениях самых близких между собой людей: мужа и жены, отца и матери. В соответствии с тринитарным характером своей деятельности, Святой Отец видит в семье – «земной» троице – прообраз Великой Троицы – «Небесной».

Как ни сложилась бы последующая жизнь человека, судьба его всегда каким-то образом – прямо или косвенно – несет на себе печать семейных отношений. Раннее детство Кароля Войтылы было запечатлено чередой потерь, которые стали для него невозможными, но и одновременно обогатившими его внутренне.

«Мои детские и юношеские годы рано означились утратой самых близких. Сначала матери, которая не дождалась дня моего первого Причастия. Она хотела, чтобы у нее во что бы то ни стало было два сына: врач и священник; мой брат стал врачом, а я – священником. Сестры, которая родилась за несколько лет до моего появления на свет, я не знал, она умерла вскоре после моего рождения»⁷⁴. В двенадцать лет Кароль Войтыла потерял старшего брата, которого очень любил, с которым дружил и который оставил по себе память как человек, героически выполнивший свой профессиональный долг: выхаживая больную, смертельно заразился от нее скарлатиной. Сын и отец остались вдвоем. «Я вблизи наблюдал за его жизнью и видел, как он умел себя преодолевать, видел, как он коленопреклоненно молился. Это было самым важным в те годы, которые столь много значат в период становления подростка. Отец, который умел быть требовательным к себе, в некотором смысле мог уже ничего не требовать от сына.

Глядя на него, я учился быть требовательным в отношении себя и выполнять собственные обязательства». Говоря о том примере, какой подавал ему его отец, Папа Римский впоследствии назвал этот пример «первой домашней семинарией».

Здесь, наверное, и коренится свечение отцовства, которому надо учиться сызмальства: постичь его можно только через Любовь Сына к Отцу и Бога к Сыну. «Парадигма «отец—сын» неподвластна времени. Она старше человеческой истории»⁷⁵. Думая об этом, Адам (в мистерии «Свечение отцовства» и в поэтическом эссе «Размышления об отцовстве») – человек с обыкновенным именем, – как у всех, – восклицает: «Не сумел я взвалить на свои плечи отцовства, не смог оказаться на его высоте, чувствую свою абсолютную беспомощность, и то, что дано мне было как дар, обернулось бременем».

К проблеме отцовства К. Войтыла подходит с разных сторон, ибо сама проблема двухполюсна: на одной стороне – отец и муж, на другой – мать и женщина. Различие характеров в этих взаимоотношениях ярче всего проявляется в восприятии ими ребенка. И то, что, казалось, существовало когда-то, на заре человечества и вроде бы должно было со временем уступить место более развитому и осознанному типу взаимоотношений (когда есть такой Образец!), по-прежнему требует стараний и обоюдного понимания, ибо в наслоениях случайного теряется правда.

Две пьесы – мистерия «Свечение отцовства» и медитация «У лавки ювелира» – повествуют словно совсем о разных жизненных ситуациях: в мистерии воссоздается едва ли не с праисторических времен в аллегорическом стиле цепь «перевоплощений» «адамовых мук одиночества», тогда как в основе пьесы «У лавки ювелира» лежит история взаимоотношений двух любовных пар и их детей. Но не случайно обе пьесы связаны общим сюжетом (разнятся они жанрами) и общим именем Адама (излюбленное имя К. Войтылы, которое о многом говорит): поэт, который так любит во всем находить корень, и здесь стремится дойти до истока сложности в понимании любви, изначально данной человеку. На любви, настаивает он, держится семья, которая формирует духовный климат внутреннего мира детей на всю жизнь.

Из попытки проанализировать с позиций сегодняшнего дня семейные отношения возникла книга «Любовь и ответственность», в которой автор суммировал свои собственные наблюдения священника. Он как никто понимал эту проблему изнутри еще и потому, что, будучи исповедником, невольно стал свидетелем разнообразных (и часто весьма трагических) семейных случаев.

Семье, считает он, по ее сути более чем какой-либо другой человеческой общности, присуща личностная структура. При этом Папа неоднократно подчеркивает роль, которую сыграла в его жизни семья как некая среда самых близких духовно ему людей. Их участие было для него во время войны помощью, поддержкой, мощным импульсом.

В культурологической концепции Папы семье отведена едва ли не основополагающая роль, которую она призвана играть в жизни человека на протяжении всей его жизни: счастливая семейная жизнь передается по наследству, молодые всегда должны это осознавать. Иоанн Павел II специальное внимание уделяет «священному союзу» супружества – любви, отмеченной присущими только браку правами и особенностями. И что любопытно, его сочинения на эту тему вовсе не обращены только к верующим или только к христианам.

Кстати, книга «Любовь и ответственность» вышла одновременно с пьесой «У лавки ювелира» – в том же 1960 году, что характерно для Папы, в творчестве которого невольно соединилось сугубо философское, точнее, этическое исследование с художественным. Не случайно оба эти сочинения, написанные в совершенно разной манере, друг друга дополняют и проясняют содержательно, – все его сочинения так или иначе строятся по принципу соотнесенности. Более того, оба сочинения вкупе с выступлениями Святого Отца по средам (с 1979 по 1984) на тему Искупления тела в свете таинства брака по-своему объединяются с катехетическим учением «Мужчину и женщину сотворил их»⁷⁶. И если в книге «Любовь и ответственность»

акцент сделан на физиологии брака в ее нравственно-этическом аспекте, то здесь взаимоотношения мужчины и женщины возносятся на духовную высоту, данную людям изначально и подразумевающую их последующую судьбу – после смерти. Отсюда и само название книги, взятое из Библии, и конечная цель рассуждений, сконцентрированных в части «Христос взывает к воскресшим».

Как бы предваряя энциклику Папы Павла VI «*Humanae vitae*» (в разработке которой принимал участие тогда кардинал Кароль Войтыла, посвятивший ей специальный труд⁷⁷), книга «Любовь и ответственность», наряду с последующими сочинениями Иоанна Павла II на эту же тему (широкий резонанс вызвали энциклики «Сияние истины» и «Евангелие жизни»), можно сказать, разорвали завесу, которая много лет драпировала просвещенную Европу, привыкшую считать проблемы деторождения сугубо личным делом женщины.

Локально существовавшая до этого проблема – как явление вроде бы частного порядка, причем отдельно – в рамках религиозной этики и отдельно – с точки зрения жизни как таковой, вдруг встала во весь рост, и оказалось, что она давно назрела, насущно необходима, решать ее уже нельзя ни порознь, в одиночку, ни в каком-то одном измерении.

В семье, как правило, пробуждается призвание. Зачастую, замечает Святой Отец, оно открывается с неожиданной стороны: «Интерес к человеку как к личности у меня очень давний. Может быть, причина в том, что я никогда не питал особой любви к естественным наукам. Человек интересовал меня всегда: сначала, когда я изучал польскую филологию, – как творец языка, как предмет литературы, а потом, когда я открыл в себе священническое призвание, он стал интересовать меня как главный предмет духовного пастырства. Это было уже в послевоенное время... и самым важным делом стали для меня молодые люди, которые приходили ко мне не только спросить, есть ли Бог, но и с вопросами о том, как жить. Как жить, то есть как решить проблемы любви и супружества, проблемы профессиональной деятельности. Именно эти молодые люди послеоккупационных лет особенно глубоко запечатлелись в моей памяти и своими вопросами, в определенном смысле, указали мне путь»⁷⁸.

Призвание

«Призвание всегда означает, что мы должны увидеть новый замысел нашей собственной жизни – иной по сравнению с тем, в котором мы пребывали до этого. Удивительная вещь, как Господь Бог помогает нам изнутри, как «на разных волнах долготы» нашей жизни подготавливает человека к тому, чтобы в соответствующий час тот сумел войти в этот новый замысел, сумел с ним отождествиться – сумел просто узреть Волю Отца и принять ее. И это несмотря на свою слабость и укорененность во всяких собственных «замыслах».

Призвание имеет внутриличностный смысл. «Призвание как «замысел» дает начало призванию как «исполнению» (выполнение замысла!). Я верю, что из этого самого источника мне даны будут силы на пути выполнения Божьего замысла – или воззвания, услышанного в день избрания. «*Virtus in infirmitate perficitur*» – «Сила моя совершается в немощи» (2 Кор 12, 9)»⁷⁹.

Само слово «призвание» указывает на то, что «существует свойственное каждой личности направление ее развития и в соответствии с ним она всей своей жизнью вовлекается в служение определенным ценностям»⁸⁰. «Воплощенным призванием» называет Святой Отец жизнь и писания святого Иоанна Креста; как пример «сверхъестественного величия» рассматривает жизненный путь брата Альберта – Адама Хмелёвского.

Однажды на вопрос журналистов, какое у него хобби, Иоанн Павел II, не задумываясь, ответил: «Быть Папой Римским», – и тем дал исчерпывающее пояснение тому, что такое призвание, в параллель с которым не могут существовать еще и увлечения.

Трудно сказать, когда впервые Папа услышал свое призвание, может, когда узнал о смерти брата, а может, когда после работы, придя домой, не застал в живых отца. Приятель тех его лет Юлиуш Кыдрыньский – непосредственный очевидец этого драматического события – полагает, что оно сыграло в жизни Кароля Войтылы решающую роль – именно в выборе священнического служения⁸¹. Многое тогда сошлось, а положение в стране, оккупированной фашистами, только ускорило желание и усилило его. «Призвание, которое созревает в подобных обстоятельствах, обретает новую ценность и значение. [...] Однажды мне предстало это совершенно отчетливо: нечто вроде внутреннего озарения. Это озарение несло с собой радость и убежденность в ином призвании. И сознание это наполнило меня каким-то огромным внутренним покоем», – пишет Иоанн Павел II⁸².

К осознанию своего призвания Войтыла пришел не сразу. За плечами были годы учебы в университете, а еще раньше – Вадовицы, где он закончил гимназию, познал вкус к театральным выступлениям⁸³, – он всегда обращал на себя внимание манерой декламации, еще в гимназические годы. Однажды его заметил тогдашний митрополит Кракова Адам Стефан Сапега, первым, кажется, распознавший в нем дар проповедника. Что значит – судьба? «В том большом и страшном *theatrum* Второй мировой войны мне многое было сохранено. Меня ежедневно могли взять на улице, в каменоломне или на фабрике, и увезти в лагерь. Неоднократно я даже спрашивал себя самого: столько погибло моих сверстников, а почему не я? Сегодня я знаю, что это не было случайностью. На фоне того огромного зла, каким была война, в моей жизни всё делалось в направлении блага, каким было призвание»⁸⁴.

В пастырском призвании молитвенное общение с Богом органично соединялось со служением ближнему, с наукой, а увлечение театром подготавливало к пониманию слова: любовь к Слову обретала своё единственное измерение. Каждое из этих направлений, развиваясь своим путем, сливалось в естественное целое. Поэтический дебют – анонимная публикация поэтического цикла «Песнь о Боге сокрытом» (1946), исполненной созерцательности в духе св. Иоанна Креста, и в эти же годы написанные первые научные публикации, как и диссертация об этом Учителе веры. Всё написанное между собой гармонировало и взаимно дополнялось, ибо объединялось общей целью. Но следовать ей было очень непросто.

«Жизнь современного человека разрывает его на части, в ней избыток целей, которые его затягивают, изнашивая и истощая. Волна занятий его увлекает, а увлеченный человек не испытывает к ней подлинного доверия. Избыток целей разбивает единство и цельность жизни. Человек нуждается в цельности, он чувствовал бы себя намного лучше, будь у него лишь одна цель»⁸⁵.

Осознанность действия, утверждает Папа Римский, делает человека личностью, постижение личности человеком возможно путем осмысления себя, однако сам процесс осмысления нуждается в изучении – всем своим творчеством Святой Отец доказывает неразрывность двух начал: знаний о человеке и изучения человека. Это неременное требование он ставил и в своих лекциях.

«Он проводил занятия, расхаживая по возвышению, и не столько даже читал лекции, сколько возвещал сложную Божеско-человеческую науку. Он любил возвращаться к некоторым проблемам, чтобы взглянуть на них с разных точек зрения, потом всё резюмировал и останавливался, глядя на нас, желая убедиться, что мы поняли то, что он нам сказал. Благодаря этому мне удалось записать в толстой тетради почти все его лекции по нравственному богословию и социальной этике, которыми я пользуюсь и поныне... Вскоре мы узнали о назначении нашего профессора епископом. Многие радовались этому повышению. Некоторые из нас расстроились: жаль, что такой хороший педагог и преподаватель уходит в епископы. Спустя некоторое время оказалось, что наши страхи были напрасными: священник и профессор, став епископом, продолжал оставаться таким, каким был прежде: преподавателем и пастырем»⁸⁶.

Об умении соединять и сочетать разнообразные интересы в рамках единой цели, избирать эту цель и ставить ее во главу угла он много размышляет в художественном творчестве, в интервью и беседах, исследует в статьях и научных трудах по антропологии, говорит в энциклопедиях, словно обращенных к человеку завтрашнего дня – такому, каким он может стать и каким Святой Отец его видит уже сегодня. О нем и для него всё его учение, исполненное гуманистического смысла, главная ценность которого в том, что оно подразумевает веру, а не конфессию. И это учение доступно любому здравомыслящему человеку, какой бы религии, социального происхождения, возраста и национальности он ни был. Оно повернуто к личности – конкретной, единственной, уникальной.

Есть великая мудрость в том, что учение Иоанна Павла II о сверхъестественном бытии, возникшее в недрах католического богословия, сегодня может быть воспринято человеком любой религиозной культуры. «Евангелие читают как верующие, так и неверующие. Первые открывают в заповеди любви главное связующее звено всего сверхъестественного порядка, но и первые, и вторые способны открыть в ней утверждение некоего великого человеческого добра, которое может и должно быть уделом людей»⁸⁷, – так говорит Папа Римский.

В заключение хочу поблагодарить всех, кто своим личным участием и советом способствовал подготовке этого издания: о. Александр Борисов, Мария Борщова, Максим Валецкий (все – Москва), Гасан и Дина Гусейновы (Бремен), Марина Дмитриева (Лейпциг), Анна, Ян и Марта Жмуды (Вадовицы), Александр Илюшин (Москва), Наталья Каверина (Москва), Мария и Тадеуш Каспшицкие (Вадовицы), Марек Кита (Краков), с. Галина Кравчук (Москва), Марьян Крук (Люблин), Рышард Лужный (Краков), Станислав Майданийский (Люблин), Тадеуш Малак (Краков), Майя и Рафал Маршалек (Варшава), Зоя Масленикова (Москва), о. Ярек Марецкий (Люблин), Олег Марченко (Ногинск), Татьяна Миллионщикова (Москва), Ольга Михайлова (Москва), Данута Михаловская (Краков), Влодзимеж Мокрый (Краков), о. Хуберт Ордон (Люблин), Алла и Иван Павловы (Москва), Нонна Познанская (Москва), Магдалена Романьская (Чикаго), Данута и Станислав Сиесс-Кшишковские (Краков), Магдалена Смочиньская (Краков), Наталья Соловьева (Москва), Мариана Субтельна-Крук (Люблин), Елена Сударева (Москва), о. Тадеуш Стычень (Люблин), Светлана Толстая (Москва), Надежда Трубкина (Элиста), Ежи Турович (Краков), Мария Фигарская (Люблин), Владимир Хаятин, Елена Цыбенко, Юрий Чайников, Юлий Шрейдер, Татьяна Юрченко (все – Москва), с. Эмилия Эрлих (Ватикан).

Е.С. Тбердислоба

Примечания

¹ Войтыла К. Крипта: Избранная лирика. М., 1994. 92 с. (перевод А. Базилевского); Войтыла К. Иоанн Павел II. Любовь и ответственность. М., 1993. 352 с. («У лавки ювелира» – в переводе К. Старосельской и А. Эппеля, «Любовь и ответственность» – в переводе С. Тонконоговой); Войтыла К. Основания этики // Вопросы философии. М., 1991. № 1. С. 28-60 (перевод Ю. Шрейдера); Иоанн Павел II. Мысли о земном. М., 1992. 422 с.; Апостольское обращение Святого Отца Иоанна Павла II *Vita consecrata*, обнародованное после синода епископов о посвященной Богу жизни и ее миссии в Церкви и мире. М., 1998. – 206 с.; Апостольское обращение Святого Отца Иоанна Павла II *Christifideles laici*, обнародованное после синода епископов, о призвании и миссии мирян в Церкви и мире. – М., 1998. 194 с.; Иоанн Павел II. Верую в Бога Отца Всемо́гущего Творца. – М., 1998. – 340.

² Frossard A. «Nie lękajcie się»: Rozmowy z Janem Pawłem II. Kraków, 1982. S. 26–27.

³ О свв. Кирилле и Мефодии Папа вспоминает не раз, в том числе и в Апостольском поедании «Свет с Востока».

⁴ Там же. С. 26-27.

⁵ Папа Иоанн Павел II. Переступить порог надежды. При участии и под редакцией Витторио Мессори. М., 1995. С. 184.

⁶ Окоп J. Zyciowy profit poety (o drodze twórczej Karola Wojtyły) // Znak. Krakow, 1982. R. 34. N 331 (6). S. 556-578.

⁷ Frossard A. «Nie lękajcie się»... S. 100.

⁸ «Говоря об опыте, я буду иметь в виду одну лишь субъектную сторону этих явлений и переживаний, только собственно существующую в человеке сферу отнесения, которая и позволяет ему войти в столь тесное общение с Божеством. Эта сфера, или, иначе сказать – субъектная область сверхъестественного бытия в человеке, наряду с другими областями: человеческим организмом и психикой, составляют понятие гуманизма. Эта вот субъектная область у всех тех людей, которым хоть в какой-то мере она свойственна, подлежит внутреннему опыту, посредством которого она может быть открыта, исследована и описана», – пишет К. Войтыла в статье «О гуманизме св. Иоанна Креста» (см. данное издание). Это же сверхъестественное бытие исследуется им и в работе «Личность и поступок».

⁹ Kotlarczyk M. Sztuka żywego słowa. – Rzym, 1972. – См. комментарии к статье «Драматургия слова и жеста».

¹⁰ Kalendarium życia Karola Wojtyły // Oprac. ks. Boniecki A. Krakow, 1983.

¹¹ Там же. S. 51.

¹² Там же. S. 52

¹³ Там же S. 127. Аналогично – о противоречивости человеческой природы, о двух началах в человеке: «разменном», как денежка, и «неразменном» – рассуждает герой пьесы «Брат нашего Бога» художник Макс.

¹⁴ Frossard A. «Nie lękajcie się»... S. 18.

¹⁵ Kalendarium życia Karola Wojtyły... S. 83.

¹⁶ «Мы должны признать, – говорит Папа в апостольском послании «Свет с Востока», – что все мы нуждаемся в таком молчании, преисполненном ощущения благоговейного присутствия: в богословии – чтобы быть в состоянии полностью оценить собственную познающую и духовную душу; в молитве – чтобы никогда не забывать, что лицезреть Бога означает нисходить

с горы со столь сияющим лицом, что необходимо покрывать его (ср. Исх 34, 33), и чтобы на наших собраниях оставлялось место присутствию Бога, а не занимались бы мы лишь самими собой; в обязательствах – дабы отказаться от вовлечения себя в борьбу, не знающую любви и прощения. В этом нуждается человек наших дней, который зачастую не умеет молчать – из опасения остаться наедине с самим собой, раскрыться, почувствовать пустоту, побуждающую задаться вопросом о смысле собственного существования, – человек, оглушенный шумом. Все, верующие и неверующие, нуждаются в том, чтобы научиться такому молчанию, которое позволяло бы Другому говорить, когда и как Он желает, а нам – понимать Его Слово». – № 16.

¹⁷ Jan Paweł II. W dialogu miłości z Kościołem Wschodnim. W-wa, 1984.

¹⁸ Иоанн Павел II. Переступить порог надежды... С. 39-40.

¹⁹ Иоанн Павел II. Переступить порог надежды... С. 103.

²⁰ Документы II Ватиканского Собора. – М., 1998. С. 233.

²¹ Войтыла К. Основания этики... С. 40.

²² Иоанн Павел II. Верую в Бога Отца... С. 42.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ Там же. С. 120.

²⁵ Там же. С. 101. «Согласно довольно распространенному мнению, – замечает Папа, – ученые, как правило, являются агностиками, а занятия наукой отдаляют от Бога. [...] Еще более интересно и поучительно было бы выяснить, почему многие ученые и ныне, как и в прошлом, считают, что строго научный характер исследования и в то же время искреннее и восторженное признание существования Бога не только не противоречат друг другу, но и составляют прекрасное целое. [...] Более тщательный анализ показывает, что переход к религиозным убеждениям совершается не сам по себе, в ходе научно-исследовательских экспериментов, но в силу основных принципов философии, таких, как принцип случайности, целесообразности, самодостаточности разума, которые ученый, будучи человеком, применяет в ежедневных контактах с жизнью и изучаемой действительностью. Более того, находясь на передовых рубежах современного мира, первым подмечая огромную сложность и вместе с тем удивительную гармонию действительности, ученый может стать особым свидетелем того, что есть все основания принять религиозное мировоззрение; он может также на личном примере показать, что признание трансцендентности не только не наносит вреда независимости ученого и целям научно-исследовательской работы, но побуждает неустанно стремиться выйти за пределы собственного «я» в постижении открывающейся самотрансцендентности человеческой тайны (с. 102-104). Неужели, вопрошает он, человеческий разум, с таким трудом пытающийся определить строение и законы взаимодействия частиц материи, не склоняется к тому, чтобы искать их начало в Высшем Разуме, положившем начало всему? Перед картиной всего этого великолепия, которое можно бы назвать бесконечно малым миром атома и бесконечно большим миром космоса, человеческий разум со всей полнотой ощущает, что всё это превосходит его творческие возможности и даже его воображение, и он осознает, что столь совершенное и великое творение не может не иметь Творца, мудрость Которого превыше всякой меры, могущество не знает границ» (с. 99).

²⁶ Там же. С. 53. Своеобразие веры как сверхъестественного явления, подчеркивает Папа, заключается в том, что «с его помощью «самооткровение Бога» воспринимается на основе человеческого разума, становясь источником неземного света, позволяющего человеку в меру его человеческих возможностей участвовать в том процессе познания, в котором Сам Бог извечно познает Самого Себя и заключенные в Нем сущности» (с. 54).

²⁷ Kalendarium życia Karola Wojtyły... S. 63.

²⁸ Там же S. 63.

²⁹ Войтыла К. Любовь и ответственность... С. 201.

³⁰ Slomka W. Interpretacja doświadczenia mistycznego u Jakesa Maritaina i Jana Pawła II // Chrzescijanin w swiecie. 1984. z 6. S. 83-93. Польский ученый считает, что Папа Римский разрабатывает томистский реализм, являясь представителем так называемого томистско-персоналистского направления, то есть философии бытия. Более того, сознание, которое он трактует предельно широко, обладает, согласно его концепции, интеллектуальным характером, благодаря чему происходит преодоление разделения на понятия интенциональные и неинтенциональные, которое введи феноменологи. О мистике и способах познания Бога пишет М. Гогаж. См.: Gogarz M. Mistyka a poznanie Boga // Roczniki Filozoficzne. KUL, 1980. S. 594.

³¹ Szczypka J. Jan Paweł II: Rodowod. W-wa, 1991. S. 141.

³² Апостольское поедание «Свет с Востока». № 16.

³³ Frossard A. «Nie lękajcie się...»... S. 105-106.

³⁴ Иоанн Павел II. Верую в Бога Отца... С. 222.

³⁵ Там же. С. 100.

³⁶ Там же. С. 106.

³⁷ Dives in misericordia (1980), см. Иоанн Павел II. Мысли о земном... С. 39-55.

³⁸ Иоанн Павел II. Мысли о земном... С. 53.

³⁹ Войтыла К. Любовь и ответственность... М., 1993. С. 108.

⁴⁰ Kalendarium zycia Karola Wojtyły... S. 155.

⁴¹ Там же. S. 83.

⁴² Композиция научных работ Папы, как, впрочем, и всего, что им написано и сказано, заслуживает специального анализа с точки зрения рецептивной эстетики.

⁴³ Kalendarium zycia Karola Wojtyły... S. 156.

⁴⁴ Иоанн Павел II. Верую в Бога Отца... С. 248-249.

⁴⁵ Там же – С. 252.

⁴⁶ Войтыла К. Любовь и ответственность... С. 32.

⁴⁷ Иоанн Павел II. Верую в Бога Отца... С. 222.

⁴⁸ Там же. С. 285.

⁴⁹ Там же. С. 260.

⁵⁰ Frossard A. «Nie lękajcie się...»... S. 105.

⁵¹ Там же. S. ИЗ

⁵² Там же. S. 113.

⁵³ Энциклика «Сотый год» (Centesimus annus) – Его Святейшества Папы Иоанна Павла II. Ватикан.

⁵⁴ Окружное послание «Евангелие жизни» (Evangelium vitae) Папы Иоанна Павла II: о ценности и нерушимости человеческой жизни. Париж-Москва, 1997. С. 125-127 и др.

⁵⁵ Но остается еще не исследованным – в тех же параметрах личности и ответственности – личностное значение ответственности перед Богом; это, считает Святой Отец, тема, которая требует отдельного анализа.

⁵⁶ Итальянский ученый Рокко Буттильоне, один из первых за границей обратившийся к систематическому изучению философии К. Войтылы, посвятил ее анализу специальную монографию, в которой выявляет ее истоки. Он прослеживает его философскую мысль, начиная

от работ о св. Иоанне Креста, Шелере и Канте. См. Buttiglione R. *Pensiero di Karol Wojtyła*. Milano, 1982.

⁵⁷ М. Шелеру посвящена докторская диссертация К. Войтылы «Ocena mozliwosci zbudowania etyki chrzescijanskiej przy zalozeniach systemu Maksa Schelera», которая написана и представлена к защите в 1953 г., опубликована в 1960.

⁵⁸ Подробно см. Półtawski A. Człowiek, czyn a świadomość według Karola Wojtyły // *Znak*, lutymarz., 1979. Z. 2-3. S. 250-251; Smoczynski P.J. Karol Wojtyła jako teoretyk etyki. Akcent, Lublin, 1988. Z. 4. S. 14-23.

⁵⁹ Frossard A. «Nie lękajcie się...»... – S. 52.

⁶⁰ Проблема соотношения культуры и религии – одна из наиболее «обсуждаемых» философами и богословами, и она требует более детального анализа непосредственно в данном контексте, однако мы, поставив перед собой задачу охарактеризовать главные принципы мировоззренческой системы Папы Римского, специально здесь на ней останавливаться не будем. Заметим лишь, что обе области соприкасаемы между собой и с точки зрения изучаемого в данном случае опыта могли бы составить, например, область богословия кудьтурове деня.

⁶¹ Иоанн Павел II. Верую в Бога Отца... С. 47. В целом эта книга, которая содержит катехетические наставления Святого Отца, произнесенные им на итальянском языке по время общих аудиенций по средам, в период с 5 декабря 1984 г. по 17 декабря 1986 г., является в широком смысле книгой о вере.

⁶² Иоанн Павел II. Переступить порог надежды... С. 274.

⁶³ Апостольское послание «Свет с Востока». № 8.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Иоанн Павел II. Переступить порог надежды... С. 255.

⁶⁶ Войтыла К. Любовь и ответственность... С. 148.

⁶⁷ Наука о богословских добродетелях своими истоками уходит в христианскую нравственность. Понятие о добродетелях подразумевает четыре добродетели из дохристианской этики (мужество, мудрость, воздержание и справедливость) и три богословские: вера, надежда, любовь.

⁶⁸ Иоанн Павел II. Переступить порог надежды... С. 185.

⁶⁹ Вот как определяет Папа Римский культуру: «Это особый способ «существования» человека, человеческого «бытия». Человек всегда живет согласно свойственной ему культуре, которая, в свою очередь, создает между людьми присущую им связь, предопределяя межличностный и общественный характер человеческой жизни. В единстве культуры как присущего человечеству способа существования коренится в то же время множественность культур, в лоне которых человек находится. Человек развивается в этой множественности культур, ощущая тем не менее всеобщее единство культуры как основное и самое важное измерение своей жизни и бытия» – из выступления Папы Иоанна Павла II в ЮНЕСКО 2 июня 1980 г. «Вся человечность человека выражается в культуре» // Иоанн Павел II. Мысли о земном... – С. 244.

⁷⁰ Кароль карл. Войтыла. Граница Европы: где она? // Иоанн Павел II. Единство в многообразии. – Милан-Москва, 1991. С. 5-15.

⁷¹ Frossard A. «Nie lękajcie się...»... S. 67.

⁷² Стихотворения Кароля Войтылы, отмечает польский историк литературы и критик Веслав Павел Шиманьский, при всей своей внутренней цельности, открыты внешнему миру и именно поэтому постигаются как личностный факт. В своей внутренней сосредоточенности (но отнюдь не замкнутости) они представляют собой поэзию Церкви. Отсюда сложность этой поэзии и недостаточность лишь эстетического ее измерения: лирика Войтылы развива-

ется одновременно в двух планах: внешнем и внутреннем, побуждая к работе мысли. Да и ее эстетическая значимость проявляется не в поэтических образах, метафорах или сравнениях, а в эстетике мысли как ее результате. – См. Szymariski W.P. *Z mroku korzeni* (O poezji Karola Wojtyły). – Kalwaria Zebrzydowska, 1989. S. 82.

⁷³ Jan Paweł II *Dar i Tajemnica*. Krakow, 1996. S. 22.

⁷⁴ Jan Paweł II. *Dar i Tajemnica*... S. 39-40.

⁷⁵ Иоанн Павел II. Переступить порог надежды... С. 275.

⁷⁶ Jan Paweł II. *Mężczyzną i niewiastą stworzył ich*. *Odkupienie ciała a sakramentalność małżeństwa*. – Libreria Editrice Vaticana – Citta del Vaticano, 1986.

⁷⁷ Kard. Karol Wojtyła. *Antropologia encykliki «Humanae Vitae»*. Krakow, 1978.

⁷⁸ Иоанн Павел II. Переступить порог надежды... С. 244.

⁷⁹ Frossard A. «Nie lękajcie się...»... S. 28-29.

⁸⁰ Войтыла К. Любовь и ответственность... С. 319.

⁸¹ Kydrynski J. *Pomazaniec z Krakowa*. – *Młodzieńcze lata Karola Wojtyły*. Kraków, 1990. S. 104.

⁸² Jan Paweł II. *Dar i Tajemnica*... S. 342-35.

⁸³ В детские и юношеские годы Кароля Войтылы Вадовицы, лежавшие в пятидесяти километрах от Кракова на реке Скаве, были в любом отношении городком необычным. Основанные в 1327 г. как деревенское поселение, они позднее превратились в важный для районной торговли и сельского хозяйства железнодорожный узел, но и поныне они продолжают еще оставаться тихим закутком у подножья Бескид. В 1920 г. Вадовицы насчитывали около 7 тыс. жителей, в течение последующих 70 лет население всего лишь удвоилось [...].

Для столь небольшого городка уровень культуры его жителей был поистине удивительный. Представители вольных профессий, такие как учителя и священники – интеллектуальная элита Вадовиц, – томились по хорошей литературе и театру. В городке действовали три публичные библиотеки, а зрительные залы двух любительских театров, в которых ставили классические и современные пьесы, были заполнены до отказа. Вадовичане толпами собирались также на летние представления в обширном парке на окраине города. Они еще часто ездили в Краков, на спектакли профессиональных театров – и с жадностью читали рецензии на новейшие пьесы и книги в краковских и варшавских газетах. Так пишет в биографическом исследовании о Папе американский корреспондент Нью-Йорк Таймс, поляк Тад Шульц: См.: Szulc T. *Papież Jan Paweł II. Biografia*. W-wa, 1996. S. 60-62. Это не единственная биография Папы. О жизни Папы – и до, и после избрания – много публикует один из ближайших его друзей о. Мечислав Малиньский, перу которого принадлежит около 30 работ, изданных, как правило, красочно и иллюстрированных большим числом фотографий. См.: о. Malinski M. *Zyciorys Karola Wojtyły*. W-wa, 1987. Кроме того, в Польше выходило еще одно подробное биографическое исследование – неоднократного лауреата литературных премий Юзефа Шчипки: Szczypka J. *Rodowód*. W-wa; 1989; см. также: Kluz W. *Czas siewu. Karol Józef Wojtyła, Jan Paweł II*. Katowice, 1995. Почти в каждой стране выходила хотя бы одна книга, посвященная жизни и деятельности Кароля Войтылы – Иоанна Павла II. (У нас см.: Твердислова Е.С. *Наедине с одиночеством: Папа Римский Иоанн Павел II: Литературный портрет*. М., 1995.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.